
U
194
476

ГОДЪ ЖИЗНИ

ВЪ

ПЕТЕРБУРГѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Александрова.

Цѣна 5 руб. Ассиг.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1838.

ГОДЪ ЖИЗНИ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ,

или

НЕВЫГОДЫ

ТРЕТЬЯГО ПОСѢЩЕНІЯ.

сочиненіе

Александрова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. Воейкова и Ко.

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанія представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Сентября 6 дня 1838 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

ГОДЪ ЖИЗНИ
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ,
или
НЕВЫГОДЫ
ТРЕТЬЯГО ПОСѢЩЕНІЯ.

Слово «невыгоды» очень еще недостаточно, очень милостиво, въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, котораго причиною бываетъ третіе посѣщеніе.

Камень претккновенія для всѣхъ дѣйствій!..... источникъ неудачъ!.... первый шагъ къ разочарованію!.... начало порчи всякаго дѣла! — Третіе посѣщеніе! Предпринимаю описать его послѣдствія, въ предостереженіе людямъ, не имѣю-

щимъ, на вниманіе общества, другихъ правъ, какъ только какую нибудь необыкновенность въ жизни своей; и хотя бъ это было что нибудь очень интересное, блистательное, великое даже, но если оно только одно въ нихъ, а все прочее нисколько не отвѣчаетъ этому яркому лучу, то пусть они прочтутъ: *Годъ жизни* моей въ Петербургѣ, и обезпечатъ себѣ успѣхъ въ дѣлахъ, доброе расположеніе знакомыхъ, радушный пріемъ, вѣжливое вниманіе и собственный миръ души тѣмъ, что никогда, ни въ какой домъ не пойдутъ въ третій разъ.

Изъ этаго изключаются искренніе друзья и еще тѣ люди, которыхъ посѣщеніе и въ триста третій разъ будетъ казаться первымъ.

Прежде, нежели рѣшилась я везти въ столицу огромную тетрадь своихъ запи-

сокъ, на судъ и распоряженіе Александра Сергѣевича Пушкина, въ семьѣ моей много было плановъ и толкованій о томъ, какъ это покажется публикѣ, какъ примутъ, что скажутъ?..... братъ мой приходилъ въ восторгъ отъ одной мысли, какое дѣйствіе произведетъ на публику разкрытіе тайны столь необычайнаго произшествія; но видя, что я не раздѣляю его увѣренности, старался ободрить и вразумить меня примѣромъ.

«Вы представьте себѣ, говорилъ онъ, что я, по какому нибудь случаю, надѣлъ въ юности женское платье и оставался въ немъ нѣсколько лѣтъ, живя въ кругу дамъ и считаясь всѣми за даму; неправда ли что описаніе такого не обыкновеннаго случая заинтересовало бы всѣхъ, и всякой очень охотно прочиталъ бы его;

всякому любопытно было бы знать: какъ я жилъ, что случалось со мною, въ этомъ чуждомъ для меня мірѣ, какъ умѣлъ такъ поддѣлаться къ полу, котораго роль взялъ на себя?.... Однимъ словомъ; описаніе этой шалости, или вынужденнаго преобразованія, разобрали бъ въ одинъ мѣсяцъ, сколько бъ я ни напечаталъ ихъ..... А исторія вашей жизни должна быть несравненно занимательнѣе.»

Долго было бы описывать всѣ доводы брата моего, которыми онъ старался передать мнѣ свои надежды на успѣхъ, и хотя я иногда увлекалась его краснорѣчивыми описаніями, но чаще недовѣріе къ себѣ брало верхъ надъ всѣмъ, что онъ ни представлялъ мнѣ. Я думала, что буду очень смѣшна, появившись въ Петербургъ съ ничтожными записками, для того чтобъ ихъ напечатать.

«Несмѣю подумать, Александръ Сергѣевичъ!» писала я къ славному поэту, «не«смѣю подумать представить глазамъ свѣ«та картину воинственной жизни моей, «иначе, какъ подъ покровительствомъ ге«нія вашего.»

«Посылаю вамъ нѣсколько листковъ «моихъ записокъ, и если вы найдете, «что можно мнѣ показать ихъ свѣту, не «опасаясь обвиненія въ дерзкой самона«дѣянности, то въ такомъ случаѣ, сдѣлай«те мнѣ честь напечатать ихъ въ вашемъ «Современникѣ. Но если они таковы, ка«кими кажутся мнѣ самой, пришлите ихъ «обратно.»

Я получила отвѣтъ, исполненный вѣжливости и похвалъ, и сверхъ этого предложеніе, руководствовать въ семъ случаѣ

моею неопытностію. Такая радостная вѣсть!..... Такое лестное одобреніе отъ одного изъ первыхъ поэтовъ въ Европѣ, чуть не вскружило мнѣ головы! мною овладѣло такое жъ восхищеніе, какое испытывала еще въ дѣтствѣ, когда могла бѣгать въ поле безъ надзора.

Теперь нерѣшимость моя исчезла; и я такъ же, какъ и братъ мой, начала основывать кое-какія надежды на успѣхъ моихъ записокъ.

Однако жъ нетерпѣнію моему, ѣхать въ Петербургъ, предстояло сильное препятствіе: у меня не было денегъ для дороги!..... въ нашихъ мѣстахъ это препятствіе необоримо!..... продать какую вещь?..... ее оцѣнятъ въ грошъ. — Занять?..... забавная выдумка! Я одна-

ко жъ рѣшилась попробовать своего счастія, на этомъ скользкомъ и до крайности непріятномъ поприщѣ.

У Мартына Задеки означены дни счастливые и несчастные, для всего, въ томъ числѣ и для займовъ. Въ первый разъ въ жизни, пожалѣла я, что считая вздоромъ, выкладки мудраго Астролога, не списала таблички этихъ дней, которую какъ то нашла въ туалетномъ ящикѣ, у покойнаго дяди моего. И такъ, на рискъ — быть наказанною за невѣріе, отправилась я, непомню уже въ какой день Генваря, къ первому изъ нашихъ уѣздныхъ богачей; человѣку довольно образованному, очень умному и до чрезвычайности вѣжливому.

—

Радушный пріемъ, веселый и откровенный разговоръ, учтивость, упредитель-

ность моего будущаго кредитора, нѣсколько облегчили для меня затруднительный приступъ къ этимъ проклятымъ словамъ: *«одолжите мнѣ взаймы, вотъ столько-то»* и я сказала ихъ безъ большой тревоги духа.

—На что вамъ деньги?

«На дорогу; я хочу ѣхать въ Петербургъ.»

—Въ Петербургъ!.... такъ далеко!.... зачѣмъ это?

«Имѣю надобность.»

—Э, полноте! какая надобность!..... живите съ нами.

«Я право не шучу, И*** Ив***; мнѣ въ самомъ дѣлѣ надобно ѣхать, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.»

— Да что вы такъ вдругъ вздумали?

Полагая, что вопросъ этотъ, приведетъ дѣло къ желаемому концу, я разсказала какого рода, моя надобность въ Петербургѣ и показала письмо Пушкина, которое, на всякой случай, взяла съ собою вмѣсто талисмана.

Богатый, вѣжливый хозяинъ мой, прочелъ письмо, восхитился моимъ счастіемъ, похвалилъ мое намѣреніе издать записки: «особливо, повторялъ онъ нѣсколько разъ, особливо, если они будутъ изданы Пушкинымъ!..... Это обезсмертитъ ваше имя!.....»

«И такъ я могу надѣяться, что вы исполните мою просьбу?»

— Нѣтъ, Александръ Андрѣевичъ, извините! душевно бы желалъ быть вамъ полезнымъ, но никакъ немогу.

Слово это отъ человѣка, у котораго всегда на готовѣ нѣсколько десятковъ тысячъ лежатъ въ домѣ, показалось мнѣ такъ смѣшно, что я не могла удержать невольной усмѣшки. — Чѣму вы смѣетесь? «вашему: не могу.» Къ чему оно?..... не лучше ль вмѣсто его сказать: «не хочу. Это я думаю будетъ справедливѣе?» —Правда. — «Это дѣло другое. Но для чего жъ вы не хотите?..... развѣ думаете что я не отдамъ вамъ?» — думаю. — «Противъ этого сказать нечего! всякой властенъ думать, какъ ему угодно!..... простите И*** Ив***.»

—Прощайте, почтеннѣйшій Александръ Андрѣевичъ! .... Сдѣлайте милость жалуйте ко мнѣ чаще, вы совсемъ забыли старика!..... не угодно ли сегодня на вечерокъ?.... у меня будетъ много гостей.

«Постараюсь быть въ числѣ ихъ, простите.»

— Простите!..... ожидаю.

Я не слишкомъ печалилась объ этой неудачѣ! суровость зимы, ея лютые, тридцати-градусные морозы, охладили нѣсколько рвеніе мое летѣть въ Петербургъ; мнѣ казалось благоразумнѣе будетъ, дождаться весны.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ неудачной попытки занять денегъ у богатаго К****ва, пріѣхалъ въ нашъ городъ, одинъ изъ прежнихъ знакомыхъ моего отца, человѣкъ очень добрый, хлѣбосольный и довольно зажиточный. Я увидѣлась съ нимъ у одного изъ нашихъ чиновниковъ.

— Какъ! вы еще здѣсь, Александръ Андрѣевичъ?..... у насъ прошелъ слухъ что вы давно уже въ Петербургѣ.

«Я думаю ѣхать весною.»

—Напрасно! зимой ѣзда самая лучшая: покойная и скорая, въ десять дней вы будете на мѣстѣ; я совѣтовалъ бы ѣхать теперь.

«Теперь у меня нѣтъ столько денегъ, чтобъ доѣхать.»

—А весною развѣ будутъ?

«Думаю что будутъ; я надѣюсь, что Пушкинъ пришлетъ за отрывокъ, который я продалъ ему въ его журналъ.»

—Чтобъ ожиданіе денегъ отъ Александра Сергѣевича неостанавливало пути вашего, предлагаю вамъ взять у меня сколько вамъ будетъ нужно для до-

роги, а мнѣ дайте довѣренность получать вашу пенсію.

«Очень охотно!..... вы обязали меня выше всякаго выраженія.»

— Вамъ сколько надобно?

«Тысячу рублей.»

— Очень хорошо; здѣсь нѣтъ со мною такой суммы; но я пришлю вамъ, какъ только пріѣду домой; будьте увѣрены, что слово мое неколебимо какъ гранитная скала?

Старый знакомецъ уѣхалъ; черезъ три недѣли я написала къ нему, что если онъ расположенъ дать мнѣ обѣщанную тысячу, то чтобъ сдѣлалъ одолженіе

прислалъ ее теперь же, потому что мнѣ давно уже пора ѣхать.

На это письмо отвѣта не было; черезъ недѣлю я написала другое, этого жъ содержанія, на которое и получила отвѣтъ: что «мои *намеки*, и переписка со мною, до того наскучили, что желаютъ уже прекращенія ее!»

Расхохотавшись отъ души такому нежданому потрясенію гранитной скалы— неколебимаго слова стараго знакомца, и разсудя, что грубость его не заслуживаетъ ни досады, ни отвѣта, я приняла опять первое свое намѣреніе дождаться весны.

Настала и она!..... Смягчился грозный сѣверъ!..... поля покрылись густою

зеленью, одѣлись лѣса, дружно зашумѣли, заговорили!..... Величественная Кама разлилась какъ море, и вотъ природа, изъ угрюмой сѣдой старухи, сдѣлалась молодою красавицею.

Теперь видно въ дорогу, а денегъ все-таки нѣтъ!..... Наконецъ сестра отдала мнѣ все свое богатство, состоявшее въ восьми-стахъ рубляхъ ассигнаціями, и я стала поспѣшно сбираться въ свой дальній путь, помышляя о справедливости смысла одной басни Крылова, гдѣ онъ описываетъ, что маленькія птички очень всхлопотались, услышавъ крестьянина..... Ну да Богъ съ ними..... Я думаю эту басню всякой знаетъ.

Поѣзжайте безъ подорожной, говорятъ мнѣ родные, съ нею, у васъ выйдетъ

много денегъ; надобно заплатить пошлинные ассигнаціями, прогоны ассигнаціями; отъ Москвы до Петербурга вдвое! Это ужасъ, сколько вы издержите; не берите! Богъ съ нею! вольные повезутъ дешевлѣ, и плата серебромъ.

Я послѣдовала этому необдуманному совѣту, не сообразя того, что ѣду въ самую ту пору, въ которую начинаются полевыя работы у крестьянъ.

Почти всегда и во всякой невзгодѣ нашей, бываемъ мы виноваты сами, хотя никогда непризнаемся въ этомъ. Съ подорожной я заплатила бы отъ Казани до Петербурга не болѣе трехъ сотъ рублей; безъ нее я издержала ровно шесть сотъ.

Вольные ямщики очень подробно вычисляли чего бы мнѣ стоило проѣхать

на почтовыхъ станцію и требовали съ меня гораздо болѣе.

Нѣсколько станцій пробовала я брать лошадей почтовыхъ, и меня очень забавляли кривлянья и миганья, съ таинственнымъ видомъ, нѣкоторыхъ смотрителей, приведенныхъ въ восторгъ тѣмъ, что къ нимъ прикатилъ безъ подорожной человѣкъ, видъ котораго показывалъ не имѣющаго понятія ни о какихъ хитростяхъ!..... Впрочемъ приступъ начинался всегда по формѣ: смотритель садился за столъ, развертывалъ книгу, оборачивалъ голову къ двери и крикнувъ: *«проворнѣе лошадей!.....»* Оборачивался тотчасъ ко мнѣ: «вашу подорожную?» — у меня нѣтъ ее. — Отвѣчала я откровенно. Въ ту же секунду глазъ смотрителя прищуривался, изъ устъ из-

лѣтало таинственное: «цссъ!» Не надобно, чтобъ эти канальи что нибудь знали!..... Вы пожалуйте мнѣ полтинипчекъ и я скажу, чтобъ и на той станціи дали вамъ лошадей. Полтинничекъ отдавался безпрекословно, и *канальи, которымъ не надобно ничего знать*, зная все какъ нельзя лучше, пересказываютъ другимъ, своимъ и вольнымъ, что вотъ перепархиваетъ птица, у которой: «*подрѣзаны крылья.*»

На другой станціи было все уже готово; прежде нежели я подъѣзжала къ крыльцу, лошадей выводили, и какихъ лошадей!..... настоящіе львы!..... надобно думать, что для подобныхъ мнѣ контробандныхъ проѣзжающихъ, у господъ Смотрителей — спекуляторовъ, есть особливыя тройки лошадей; особливые ям-

щики и даже особливыя дуги и колокольчики, по которымъ они узнаютъ, что ѣдетъ пожива для нихъ.

Послѣ нѣсколькихъ станцій, на которыхъ надобно было платить на лѣво и на право, за все и про все, да еще и очень дорого, поѣхала я опять на вольныхъ, но тутъ было еще хуже: «А что, спрашивали крестьяне моего мальчика, котораго я посылала нанимать ихъ лошадей — а что, развѣ на почтѣ нѣтъ лошадей?—«Есть, отвѣчалъ умный посланный, да не даютъ; у барина нѣтъ подорожной.....» крестьяне взглядывались между собою:—поѣзжай Терёшка, у тебя есть кони дома.—«Нехочется; вчера возилъ купца: кладь была тяжела; перепались больно!.... да ты что не ѣдешь?» —у меня только что съ поля воротились....

Ну, да ужъ такъ и быть, повѣзу на усталыхъ; кони добрыя, какъ разъ долѣтятъ..... Три синиськихъ до станціи..... Сей часъ запрягу.

Къ довершенію неприятности моего пути, карандасъ мой былъ трясокъ, какъ простая телѣга, отъ которой онъ разнится только своею чудовищною длиною, но какъ въ той, такъ и въ немъ рессоръ нѣтъ. Собачка моя не знала какое принять положеніе, чтобъ утвердиться на мѣстѣ, то ложилась ко мнѣ на колѣни, то протѣснялась за спину, то уходила въ ноги, но видя что вездѣ одна не милосердая тряска, растягивалась по срединѣ карандаса и оставалась уже такъ до станціи.

Наконецъ двадцать четвертаго Маія, тридцать шестаго года, кончилось всё:

тряска, кривлянья, миганья, выдача полтинников, четверныя прогоны..... всему, всему конецъ!..... Я въ Петербургѣ..... Я опять вижу тебя, великолѣпное жилище Царей нашихъ! Славная столица Русская!..... думала я, разсматривая знакомыя зданія, улицы, набережныя.

—Гдѣ вы остановитесь, баринъ? спрашивалъ ямщикъ. «Въ трактирѣ.» Въ какомъ прикажите? «Я не знаю, поѣзжай туда, гдѣ обыкновенно останавливаются пріѣзжіе.» — Да вотъ здѣсь трактиръ, въ двухъ шагахъ отъ насъ; мы часто сюда привозимъ господъ. «Есть тамъ особливыя комнаты?» — Какъ небыть! «Ну хорошо, подъѣзжай ближе.»

Взошедъ на лѣстницу, я увидѣла много такихъ предметовъ, по которымъ мо-

гла сдѣлать заключеніе, что я въ харчевнѣ, и хотѣла было сойти обратно. «Что вамъ угодно.... не комнату ли?...» спрашивалъ меня кто-то, проворно выскочившій изъ залы. — Комнату.... развѣ онѣ у васъ есть? вѣдь это харчевня? — «помилуйте-съ какая харчевня!..... кажется изволили видѣть надпись: это ресторація!..... комнаты у насъ прекрасныя!.... угодно занять?» да! скажи человѣку, чтобъ въѣхалъ во дворъ.

Я пошла за мальчикомъ, еще выше на лѣстницу, въ третій этажъ; онъ отворилъ дверь въ комнату, маленькую, полосатую, угольную и вмѣстѣ треугольную; въ ней было натоплено, не смотря на то, что день былъ и безъ того нестерпимо жарокъ. — Лучше этой нѣтъ? спросила я, отступая отъ двери. «Нѣтъ, теперь

всѣ заняты.» Я разсудила, что одни сутки могу прожить и въ этомъ жаркомъ треугольникѣ; что удобнѣе будетъ искать квартиру пѣшкомъ, нежели таскаться изъ улицы въ улицу, въ тряскомъ карандасѣ и на усталыхъ лошадяхъ.

И такъ, уступая необходимости, расположилась я, на дватцать четыре часа, въ треугольномъ, полосатомъ ящикѣ, въ которомъ, къ нестерпимому жару, присоединились безчисленные рои мухъ. Я отворила окно, одно только, другаго не было, и зло, вмѣсто уменьшенія, увеличилось: мухъ налетѣло ко мнѣ втрое болѣе нежели было. Видно майскій воздухъ казался имъ слишкомъ свѣжъ и не такъ благоуханенъ, какъ воздухъ моей комнаты! И надобно признаться, что въ

выборѣ своемъ они были правы: ко мнѣ проходило и тепло и запахъ изъ кухни; чего жъ лучше для мухъ!

Когда изъ карандаса было все выбрано, внесено въ комнату, расположено въ порядкѣ, начался мой туалетъ. Я очень помнила описаніе, невыгоднаго появленія на невскомъ проспектѣ, *Кемскаго*, и совсемъ не хотѣла быть ни въ чемъ похожею на него; надобно, чтобъ платье его было какого-то дьявольскаго покроя, когда уже навлекло ему насмѣшки людей, вовсе незнакомыхъ. Хоть я была увѣрена, что нигдѣ такъ снисходительно не смотрятъ на все невыгодное, въ отношеніи къ одѣянію, какъ въ нашей столицѣ; что можно быть одѣту, какъ угодно просто, скромно, бѣдно, по старинному, никто и виду не покажетъ, что за-

мѣтилъ это; однако жъ занялась тщательно преобразованіемъ своимъ, изъ путешественника, запыленнаго, загорѣвшаго, обвѣтревшаго, у котораго волосы два вершка длиннѣе, чемъ должно, нахмуреннаго, озабоченнаго — въ чистаго, красиво одѣтаго жителя столицы; длинные волосы укоротились и завились; какая-то косметическая вода возвратила лицу моему цвѣтъ, по которому никто бы не могъ заключить, что я проѣхала двѣ тысячи верстъ весною, и что во всю дорогу пыль покрывала меня и солнце жгло безпрепятственно. Остальное одѣяніе мое отвѣчало во всемъ, старательно убранной головѣ, и я вышла наконецъ изъ своего треугольнаго чистилища, точно также, какъ пишется въ русскихъ сказкахъ, что въ одно ушко влѣзъ, а въ другое вылѣзъ молодцомъ.

Сошедъ съ лѣстницы на улицу, я направила шаги мои прямо на Невскій проспектъ, къ гостиному двору!..... къ Казанскому Собору!..... пятнадцать лѣтъ не была я въ Петербургѣ!..... какъ все перемѣнилось!..... сколько прибавилось огромныхъ зданій!..... Столица сдѣлалась гораздо обширнѣе, величественнѣе, сады украсились, разрослись!..... Петербургъ сталъ лучше, нежели былъ!.... но при всемъ этомъ какая грусть тѣснитъ душу мою! Видъ памятника Александру, заставилъ меня горестно всплеснуть руками!..... съ невыразимою печалью смотрѣла я на высокую колонну и ангела съ крестомъ!....

Грустныя воспоминанія отняли у меня охоту идти куда нибудь еще, я возвратилась въ свою ресторацію; а какъ дня оставалось еще много, то занялась снова уклады-

ваніемъ вещей и платья въ чемоданъ, для того, чтобъ завтра какъ можно ранѣе переѣхать на другую квартиру и именно въ трактиръ *Демута:* мнѣ казалось очень неприличнымъ принять Пушкина въ такомъ фонарѣ, какой я занимала.

На новой квартирѣ своей я живу подъ облаками; мнѣ достался номеръ въ четвертомъ этажѣ!.... Что подумаетъ Александръ Сергѣевичъ, когда увидитъ сколько лѣстницъ надобно будетъ пройти ему?..... Однако жъ нечего дѣлать!..... Къ лучшимъ номерамъ приступу нѣтъ, по крайности для меня, потому что у меня осталось только двѣсти рублей, а въ виду ничего еще покамѣстъ; хорошо, если Пушкинъ отдастъ мнѣ мою тысячу рублей теперь же; а если нѣтъ?.....

Я написала къ Александру Сергѣевичу коротенькую записочку, въ которой

*

увѣдомляла его просто, что я въ Петербургѣ; квартирую вотъ тутъ-то.

На другой день, въ половинѣ перваго часа, карета знаменитаго поэта нашего остановилась у подъѣзда; я покраснѣла, представляя себѣ какъ онъ взносится съ лѣстницы на лѣстницу и удивляется не видя имъ конца!..... но вотъ отворилась дверь въ прихожую!.... я жду съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ!..... отворяется дверь, и ко мнѣ, но это еще пока, мой *Тишка*; онъ говоритъ мнѣ шепотомъ и вытянувшись: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ!» — проси!..... входитъ Александръ Сергѣевичъ!.... къ этимъ словамъ прибавить нечего!.....

Я не буду повторять тѣхъ похвалъ, какими вѣжливый писатель и поэтъ, осы-

палъ слогъ моихъ записокъ, полагая, что въ этомъ случаѣ онъ говорилъ тѣмъ языкомъ, какимъ обыкновенно люди образованные говорятъ съ дамами..... Впрочемъ любезный гость мой приходилъ въ примѣтное замѣшательство, всякой разъ, когда я, расказывая что нибудь относящееся ко мнѣ, говорила: «*былъ!..... пришелъ!..... пошелъ!..... увидѣлъ!.....*» Долговременная привычка, употреблять «ъ» вмѣсто «а», дѣлала для меня эту перемѣну очень обыкновенною, и я продолжала разговаривать, нисколько не затрудняясь своею ролею, обратившеюся мнѣ уже въ природу! Наконецъ Пушкинъ поспѣшилъ кончить и посѣщеніе и разговоръ, начинавшій дѣлаться для него до крайности труднымъ.

Онъ взялъ мою рукопись, говоря, что отдастъ ее сей часъ переписывать; по-

благодарилъ меня за честь, которую, говорилъ онъ, я дѣлаю ему, избирая его издателемъ моихъ записокъ, и оканчивая обязательную рѣчь свою, поцѣловалъ мою руку!..... я поспѣшно выхватила ее, покраснѣла и, уже вовсе не знаю для чего, сказала: «ахъ Боже мой! я такъ давно *отвыкъ* отъ этого!» на лицѣ Александра Сергѣевича не показалось и тѣни усмѣшки, но полагаю, что дома онъ не принуждалъ себя, и разсказывая домашнимъ обстоятельства перваго свиданія со мною, вѣрно смѣялся отъ души надъ этимъ послѣднимъ восклицаніемъ.

28-е Мая. «Что вы не остановились у меня, Александръ Андреевичъ?» спрашивалъ меня Пушкинъ, пріѣхавъ ко мнѣ на третій день; вамъ здѣсь не такъ покойно; не угодно ли занять мою квар-

тиру въ городѣ?..... я теперь живу на дачѣ.»

«Много обязанъ вамъ, Александръ Сергѣевичь! и очень охотно принимаю ваше предложеніе. У васъ вѣрно есть кто нибудь при домѣ?»

«Человѣкъ, одинъ только; я теперь заѣду туда, прикажу чтобъ приготовили вамъ комнаты.»

Онъ уѣхалъ, оставя меня очарованною обязательностію его поступковъ и тою честію, что буду жить у него, то есть буду избраннымъ гостемъ славнаго писателя.

30-го Мая. Сего дня принесли мнѣ записку отъ Александра Сергѣевича; онъ

пишетъ, что прочиталъ всю мою рукопись, къ этому присоединилъ множество похвалъ и заключилъ вопросомъ: переѣхала ль я на его квартиру, которая готова уже къ принятію меня.»

Я послала своего лопъ-лакея, котораго необходимо должна была нанять, потому что мой Тишка, изъ всякой откомандировки, хотя бъ она поручалась ему на разсвѣтѣ, возвращался непремѣнно по закатѣ солнца; послала узнать, можно ли уже переѣхать въ домъ занимаемый Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ? и получила очень забавный отвѣтъ: что квартира эта не только не въ моей власти, но и не во власти самаго Александра Сергѣевича; что какъ онъ переѣхалъ на дачу и за наемъ расплатился совсѣмъ, то ее отдали уже другому.

Я не знала что подумать о такой странности, и разсудила, что лучше вовсе не думать объ ней. Отписала къ Пушкину о разрушеніи надеждъ моихъ на перемѣщеніе; поблагодарила его за благосклонный отзывъ о запискахъ моихъ, и просила его поправить гдѣ найдетъ нужнымъ: «вы, какъ славный живописецъ, который двумя или тремя чертами кисти своей дѣлаетъ изъ каррикатурнаго изображенія небесную красоту, можете нѣсколькими фразами, нѣсколькими даже словами дать моимъ запискамъ ту занимательность, ту увлекательность, ту чарующую гармонію, по которымъ ваши сочиненія узнаются среди милліона другихъ.»

Я не льстила писавши это. Дышу презрѣніемъ къ этому низкому способу выиг-

рывать расположеніе людей, и къ тому жъ я болѣе способна сказать колкость, нежели лесть; но въ отношеніи къ дарованіямъ славнаго поэта, я точно такъ думала, какъ писала, и всегда считала, что онъ изъ скромности только подписывается подъ своими стихотвореніями; но что они вовсе не имѣютъ въ этомъ надобности, что ихъ можно узнать и безъ подписи.

Отправивъ записку, я отправилась и сама взглянуть на тѣ мѣста, въ которыхъ жила четыре года.

Сколько воспоминаній столпилось въ сердцѣ и умѣ моемъ, при видѣ низенькаго, угловаго домика въ Коломнѣ!..... вотъ его зеленыя жалузи!..... вотъ садъ, густой, тѣнистой!..... деревья его и те-

перь, какъ прежде, видны были черезъ заборъ!..... вотъ маленькая терраса!.....

Это былъ, когда-то, домъ моего родственника, я жила въ немъ болѣе двухъ лѣтъ!..... какъ все здѣсь знакомо мнѣ! и знакомо не просто!..... вотъ здѣсь проѣзжала карета!..... стукъ колесъ ея я умѣла отличать отъ стука колесъ всѣхъ каретъ, сколько ихъ есть въ Петербургѣ!...

Пятнадцать лѣтъ исчезли!..... мнѣ казалось, что я по прежнему опять иду къ Аларчину мосту, оттуда къ Калинкину, къ Тріумфальнымъ воротамъ!..... на дачу!..... на дачу!..... смотрю на нее и не узнаю!..... кто-то живетъ здѣсь теперь?....., отъ чего вся эта сторона смотритъ какою-то фабрикою?..... О, пятнадцать лѣтъ! Оставили вы здѣсь слѣды свои!

Я прошла на козье болото; какъ любила я эту площадь, невымощенную камнемъ!..... ее уже нѣтъ! она застроена! воспоминанія мои не знаютъ куда пріютится!..... однако жъ это то мѣсто, гдѣ я часто и охотно бывала!..... здѣсь жилъ Ротмистръ Ска—въ, котораго я знала еще тогда, какъ онъ и я были гусарами, какъ я радовалась что опять увижу его, и жену его, добрую и веселую молодую женщину!..... я забыла, что этому прошло пятнадцать лѣтъ!.....

Отворяю ворота, всхожу на знакомую лѣстницу! ожидаю услышать, по обыкновенію, визгливый лай, двухъ или трехъ маленькихъ собачекъ, напрасно!.... все тихо и двери заперты!..... я постучалась; отпираютъ..... довольно было взглянуть на отворившаго мнѣ дверь,

чтобъ не спрашивать уже: «дома ли господа Ска — вы?» я спросила только: «кто живетъ здѣсь?» мнѣ сказали нѣмецкую фамилію. «А. Ска—въ?»—Кто?— «Ска — въ.» — Не знаю. — Дверь опять затворилась.

Послѣ я узнала, что Ска — въ умеръ; а молодая, веселая госпожа Ска — ва, здѣлалась дородною, пожилою женщиною, очень бѣдною!..... тогда только я вспомнила, что этому прошло пятнадцать лѣтъ уже, какъ я разсталась съ ними.

И такъ нѣтъ въ этой сторонѣ ни родныхъ, ни друзей моихъ!..... прости коломна!..... развѣ еще въ глубокой старости пріѣду, я сюда, чтобъ впослѣдніе взглянуть на все то, на что смотрю теперь!..... и на что смотрѣла, пятнад-

цать лѣтъ тому назадъ!..... теперь я еще понимаю тогдашнія ощущенія!..... понимаю, что за потерю ихъ нельзя заплатить человѣку сокровищами всего свѣта!..... теперь я могу еще забыть пятнадцать лѣтъ,..... забыть, и радостно пройти по дачамъ: «Раля, Княгини Вяземской, Нарышкиной!..... съ восторгомъ прочитать знакомыя надписи!..... отыскать между ними свои и такъ многое припомнить!..... но тогда!..... я вѣрно пойду медленно; нога за ногою, опираясь на трость!..... можетъ, какая изъ надписей, особливо на деревьяхъ, уцѣлѣетъ, я прочитаю ее сквозь очки, качая сѣдою головою и говоря: «какое безуміе!.....»

Этотъ день былъ для меня скученъ!.... Богъ знаетъ гдѣ мои родные!..... знако-

мыхъ много умерло!..... поѣду еще завтра на Васильевской островъ.

Убѣленный сѣдинами, В**** П**** Жу—скій сидѣлъ на диванѣ, когда я вошла. «А! воскликнулъ онъ вставая и цѣлуя меня: Александровъ!..... вы ли это появились снова въ нашихъ мѣстахъ?» —Какъ видите, Вл**** П****; но какъ же вы узнали меня такъ скоро?..... развѣ я мало перемѣнился? — «Почти нисколько! вотъ я, такъ старикъ старикомъ; сѣдъ какъ лунь!» Я не смѣла сказать, что онъ совсемъ непохожъ на старика, чтобъ онъ не подумалъ, что я плачу привѣтствіемъ за привѣтствіе, и такъ я промолчала; но въ самомъ дѣлѣ лице его было живымъ противорѣчіемъ его волосамъ, потому что оно было свѣже и румяно, а послѣдніе точно бѣлы какъ снѣгъ.

Минутъ черезъ пять, пришла жена его, когда-то живая, черноглазая красавица, а теперь уже довольно пожилая дама; она то же сказала мнѣ, что я мало перемѣнилась, и что пятнадцать лѣтъ пролетѣли, не задѣвъ меня ни однимъ перомъ крыльевъ своихъ. Черезъ часъ посѣщеніе мое кончилось.

Ахъ, какъ грустно увидѣться, съ кѣмъ бы то ни было, черезъ пятнадцать лѣтъ!.... этого мало, что лице не то; но и поступки, разговоръ, образъ мыслей, самыя тѣлодвиженія! все такъ измѣнится, что видишь, знаешь, что это вотъ тотъ самый, кого зналъ прежде и все таки думаешь: «нѣтъ! это не онъ.»

Александръ Сергѣевичъ пріѣхалъ звать меня обѣдать къ себѣ: — изъ уваженія

къ вашимъ провинціальнымъ обычаямъ, сказалъ онъ усмѣхаясь, мы будемъ обѣдать въ пять часовъ.

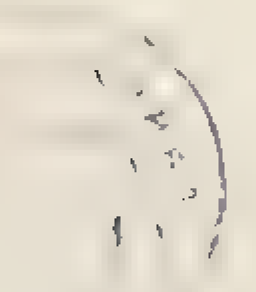
«Въ пять часовъ?..... въ которомъ же часу обѣдаете вы, когда нѣтъ надобности уважать провинціальныхъ привычекъ?»

— Въ седьмомъ, осьмомъ, иногда и девятомъ.

«Ужасное искаженіе времени! никогда бъ я не могъ примѣниться къ нему.

—Такъ кажется; постепенно можно привыкнуть ко всему.» Пушкинъ уѣхалъ, сказавъ, что пріѣдетъ за мною въ три часа съ половиною.

Съ ужасомъ и содроганіемъ отвратила я взоръ свой отъ мѣста, гдѣ несчастные приняли достойно заслуженную ими

казнь!..... Александръ Сергѣевичъ указалъ мнѣ его.

Искуственная природа бываетъ иногда также хороша, какъ и настоящая; Каменный островъ, гдѣ Пушкинъ нанимаетъ дачу, показался мнѣ прелѣстенъ.

Съ нами вмѣстѣ обѣдалъ одинъ изъ искреннихъ друзей Александра Сергѣевича, господинъ П****въ, да три дамы, родственницы жены его; сама она больна послѣ родовъ, и потому не выходила.

За столомъ я имѣла случай замѣтить странность въ моемъ любезномъ хозяинѣ; у него четверо дѣтей, старшая изъ нихъ, дѣвочка лѣтъ пяти, какъ мнѣ казалось, сидѣла съ нами за столомъ; другъ Пушкина сталъ говорить съ нею, спрашивая: «не раздумала ль она идти за него за мужъ?» — Нѣтъ, отвѣчало дитя,

не раздумала. — «А за кого ты охотнѣе пойдешь, за меня или за папеньку?» — За тебя и за папеньку. — «Кого жъ ты больше любишь, меня или папеньку?» — Тебя больше люблю, и папеньку больше люблю. — Ну а этаго гостя, спросилъ Александръ Сергѣевичъ, показывая на меня, любишь? хочешь за него за мужъ? — дѣвочка отвѣчала поспѣшно: «нѣтъ! нѣтъ!» При этомъ отвѣтѣ я увидѣла, что Пушкинъ покраснѣлъ..... не ужели онъ думалъ, что я обижусь словами ребенка?... Я стала говорить, чтобъ прервать молчаніе, которое, очень не кстати, наступило за словами дѣвочки: нѣтъ, нѣтъ! и спросила ее: «какъ же это! гостя надобно бы больше любить!..... дитя смотрѣло на меня недовѣрчиво и наконецъ стало кушать; тѣмъ кончилась эта маленькая интермедія!..... но Александръ Сергѣе-

вичъ!..... отъ чего онъ покраснѣлъ?.... или это уже верьхъ его деликатности, что даже и въ шутку, даже отъ ребенка, не хотѣлъ бы онъ, чтобъ я слышала что нибудь не такъ вѣжливое!..... или онъ имѣетъ странное понятіе о всѣхъ живущихъ въ уѣздныхъ городахъ.

Наконецъ я отыскала родныхъ своихъ, и переѣхала жить, въ сосѣдство къ нимъ, на *пески*; недалеко отъ одного изъ лучшихъ садовъ Петербурга, — отъ Таврическаго.

Эта часть города считается слишкомъ удаленною отъ всего, что манитъ любопытство и выманиваетъ деньги, и потому квартиры здѣсь несравненно дешевлѣ, нежели на Литейной, Милліонной, или на которой нибудь изъ набережныхъ.

Какъ я рада, что эту прекрасную часть города щитаютъ не такъ блистательною; безъ этаго ложнаго повѣрья, квартиры здѣсь были бъ дороже всего дорогаго; для того, что кромѣ здороваго воздуха, близости Невы, прекрасныхъ видовъ ее другаго берега, опа имѣетъ предъ прочими мѣстами то неоцѣненное преимущество, что какъ бы ни было велико наводненіе, до нее не достигаетъ.

Какимъ страннымъ свойствомъ надѣлила меня природа! все, что только налагаетъ законы моей волѣ, предписываетъ границы моей свободѣ, какъ бы ни было прекрасно само по себѣ, теряетъ въ глазахъ моихъ всю привлекательность; что можетъ быть лучше сосѣдняго сада? это рай!..... уединенный, тѣнистый, благоухающій рай! но..... во-

кругъ его заборъ съ колючками!..... довольно этого!..... я переѣзжаю за Неву и охотнѣе гуляю по болотамъ, между Охтою и пороховыми заводами, нежели въ раю, похожемъ..... въ раю огороженномъ!

15-го Іюля. Сегодня опять былъ у меня Александръ Сергѣевичъ; онъ привезъ съ собою мою рукопись, переписанную такъ, чтобъ ее можно было читать: я имѣю даръ писать такимъ почеркомъ, котораго часто не разбираю сама, и ставлю запятыя, точки и запятыя, вовсе не къ стати, а къ довершенію всего, у меня вездѣ одно: «е.»

Отдавая мнѣ рукопись, Пушкинъ имѣлъ очень озабоченный видъ; я спросила о причинѣ: «Ахъ, у меня такая пропасть

дѣлъ, что голова идетъ кругомъ!..... позвольте мнѣ оставить васъ; я долженъ быть еще въ двадцати мѣстахъ до обѣда. Онъ уѣхалъ.

Двѣ недѣли Александръ Сергѣевичъ не былъ у меня; рукопись моя лежитъ!... пора бы пустить ее въ дѣло!..... я поѣхала сама на дачу къ Пушкину; его нѣтъ дома.

«Вы напрасно хотите обремѣнить Пушкина изданіемъ вашихъ записокъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ его искреннихъ друзей, и именно тотъ, съ которымъ я вмѣстѣ обѣдала; разумѣется онъ столько вѣжливъ, что возмется за эти хлопоты и возмется очень радушно; но повѣрьте, что это будетъ для него величайшимъ затрудненіемъ; онъ, съ своими собствен-

ными дѣлами не успѣваетъ управиться, такое ихъ множество, гдѣ же ему набирать дѣлъ еще и отъ другихъ!..... если вамъ изданіе вашихъ записокъ къ спѣху, то займитесь ими сами, или поручите кому другому.

Мнѣ казалось, что Александръ Сергѣевичъ былъ очень доволенъ, когда я сказала, что боюсь слишкомъ обремѣнить его, поручая ему изданіе моихъ записокъ, и что прошу его позволить мнѣ передать этотъ трудъ моему родственнику. Вѣжливый поэтъ сохранилъ однако жъ обычную форму въ такихъ случаяхъ. Онъ отвѣчалъ, что брался за это дѣло очень охотно, вовсе не щитая его обремѣненіемъ для себя; но если я хочу сдѣлать эту честь кому другому, то онъ не смѣетъ противиться моей волѣ. Впрочемъ, приба-

бавилъ онъ, прошу васъ покорнѣйше, во всемъ, въ чемъ будете имѣть надобность въ отношеніи къ изданію вашихъ Записокъ, употреблять меня, какъ одного изъ преданнѣйшихъ вамъ людей.»

Такъ-то имѣла я глупость лишить свои Записки блистательнѣйшаго ихъ украшенія..... ихъ высшей славы — имени безсмертнаго поэта! Послѣдняя ли уже это глупость?..... Должна быть послѣдняя, потому что она уже самая крупная!.....

Записки мои печатаются! Но я ни о чемъ такъ мало не думаю, какъ о нихъ, и ни отъ чего не ожидаю такъ мало пользы, какъ отъ нихъ!.....

Не тою дорогою пошла я, которою надобно было итти!..... Теперь я вижу

ее..... Ахъ, какъ она была бъ выгодна для меня..... теперь свѣтло вокругъ меня; но поздно!.....

Августа 29-го. Вчера, часу въ шестомъ вечера, шла я съ Невскаго проспекта на свои любезные Пески; вдругъ мальчикъ, лѣтъ одиннадцати, заступаетъ мнѣ дорогу и вскрикиваетъ: «Александръ Андреевичъ!» я взглянула на него: «Что тебѣ надобно другъ мой?» «Какъ! развѣ не узнаете меня?» «Нѣтъ.» «Я Володя, вы жили въ нашемъ домѣ въ Уфѣ.» При этомъ напоминаніи малютки я тотчасъ его узнала: «Гдѣ жъ твоя ма[illegible] лодя?» «Здѣсь въ Петербург[illegible] вемъ въ Моховой; пожалуйте[illegible] это очень близко. Какъ мам[illegible] дуется!..... она всякой день вспоминаетъ объ васъ.

Мы пришли въ Моховую и взошли въ ворота большаго каменнаго дома, прошли подъ ними, перешли вкось весь дворъ, къ самому углу его; тутъ было небольшое крыльцо, довольно гадкое. «Маменька, маменька!» кричало дитя съ восторгомъ, подходя къ лачужкѣ, въ которую вело это крыльцо, «посмотрите кого я привелъ къ вамъ!».... Мать выглянула въ форточку окна и въ секунду была ужъ на крыльцѣ: «Здравствуйте, мой добрый другъ! здравствуйте!..... Ахъ, Володя, какъ ты милъ, дитя мое, что отыскалъ моего добраго Александрова! Хотите чаю?..... не хотите ли кофе?.... мороженаго?.... Ну, садитесь!.... да вотъ сюда, поближе къ окну!.... дайтѣ посмотрѣть на себя!..... вѣдь цѣлые три года прошли, какъ вы уѣхали отъ насъ изъ Уфы!..... а я вскорѣ послѣ

васъ продала домъ и пріѣхала сюда, чтобъ пристроить своего Володю; да вотъ все еще не успѣла!»

Между тѣмъ, какъ добрая госпожа С******ва, разсказывала, спрашивала и опять разсказывала, не дождавшись отвѣта, я разсматривала съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ сожалѣніемъ ея квартиру, о которой она раза три уже спросила меня: «Не правда ли, что у меня прекрасная квартира?.....»

Эта прекрасная квартира, была не что иное, какъ сырой, холодный, закоптѣлый ящикъ, перегороженный надвое, съ простою Русскою печью, съ четвероугольными тусклыми окнами, въ самомъ низу дома и въ пріятномъ сосѣдствѣ погребовъ и конюшенъ. Бѣднѣйшая ме-

бель, какую только можно себѣ представить, была приличнымъ дополненіемъ къ этой прекрасной квартирѣ. Услыша, что моя добрая пріятельница въ четвертый разъ начинаетъ: не правда ли.... я прервала ее вопросомъ: «сколько она платитъ за этотъ *будуаръ*?» «Двадцать рублей» mon ami.» отвѣчала она весело. «Есть за что!..... знаете ли, что за эту цѣну вы могли бъ имѣть на Васильевскомъ Островѣ, въ Коломнѣ или на Пескахъ, три комнаты съ прихожею и кухнею.» «Можетъ быть; но вѣдь это такая ужасная даль!» — «Отъ чего?....» «Ну.... отъ всего!.....» — «Отъ чего, однако жъ?» «У меня здѣсь много знакомыхъ.» — «Богъ съ ними! ваши знакомые не подумаютъ объ васъ, когда вы занеможете отъ этого погреба, который величаете прекрасною квартирою.» «Что дѣлать, mon ami.»

сказала С******ва, со вздохомъ, и веселый видъ ея измѣнился на грустный. «Что дѣлать?.... съ пріѣзда моего сюда, я квартировала еще хуже!..... здѣсь покрайности я могу ходить и стоять прямо, а у меня была комната, въ которой только мой Володя устанавливался во весь ростъ!..... что дѣлать!..... я задолжала здѣшней хозяйкѣ дома, нельзя съѣхать отъ нея, не расплатившись за все время сколько прожила, а для этого у меня нѣтъ денегъ.» Я отъ всей души жалѣла, что нескромными распросами довела ее до этого неприятнаго признанія.

«Квартира моя бѣдна, Александровъ, сказала госпожа С******ва, прощаясь со мною, но я имѣю прекрасныя знакомства; у меня бываютъ люди очень образованные, которыхъ умъ и пріятные

таланты сдѣлали бъ честь всякому кругу, высокому, не только мрачной хижинѣ бѣдной вдовы С******вой! Надѣюсь, вы будете, какъ бывали прежде, моимъ вседневнымъ гостемъ?»

— Но здѣсь вѣдь не Уфа, мой добрый другъ, и я не квартирую у васъ, какъ было тамъ. У меня есть занятія и тоже знакомства; не могу обѣщать вамъ приходить каждый день, но буду у васъ такъ часто, какъ только возможно!..... Довольны вы этимъ обѣщаніемъ?

«Нѣтъ! я привыкла видѣть васъ каждый день.»

— Какъ?..... вы не видали меня три года!

«Тогда васъ не было здѣсь; но когда уже мы въ одномъ городѣ, когда уже

вы пришли ко мнѣ, то надобно, чтобъ это было попрежнему; вспомните Уфу: вы приходили ко мнѣ каждое утро и тогда, какъ не квартировали еще у меня.»

— Я, можетъ быть, и здѣсь буду приходить къ вамъ каждое утро; но только не считайте этого непремѣннымъ; если когда непрійду, не посылайте узнавать, что со мною? куда уѣхала?..... прійду ли? когда прійду? — «Ну, ну, тамъ увидимъ..... Ожидаю васъ, къ себѣ всякой день; приходите завтра пить кофе.»

Я пошла домой, размышляя о странномъ характерѣ моей знакомки. Это олицетворенная доброта!.... Она вѣритъ дружбѣ, честности, праводушію, безкорыстію. Всякому дурному поступку своихъ знакомыхъ находитъ извиненіе, и всегда го-

това отказаться отъ своего мнѣнія и согласиться съ самою дикою нелѣпостью, если только эта нелѣпость утверждается человѣкомъ, ею любимымъ. Я никогда еще никого не знала и не видала, кто бъ болѣе ея былъ полезенъ другимъ и вреденъ себѣ.

Когда она разсказываетъ о комъ, высчитываетъ его хорошія качества и прибавляетъ: «Я очень люблю его, или ее!» то мнѣ всегда приходитъ охота спросить: — но кого жъ вы не любите? всякой бѣдный, всякой безпріютный, найдетъ и кусокъ хлѣба, и мѣсто, гдѣ укрыться отъ дождя, отъ снѣга, отъ невыгоды ночевать на улицѣ, найдетъ въ ее темномъ, сыромъ чуланѣ!..... Если бъ ея похвалы принимались за наличную монету, и если бъ по нимъ оцѣнивались до-

стоинства тѣхъ, кого она осыпаетъ ими, то я была бы уже генералиссимусомъ: такъ много во мнѣ воинскихъ доблестей, сіяющихъ какъ солнце!.... Похвалы доброй С******вой, опаснѣе и вреднѣе всякой хулы. Одинъ изъ нашихъ общихъ съ нею знакомыхъ, сказалъ ей, что она хвалитъ всѣхъ наповалъ. Я ничего не знаю справедливѣе этого выраженія; оно, какъ нельзя лучше, изображаетъ всеразрушающій потокъ ея похвалъ, съ корнемъ вырывающій всякое доброе мнѣніе, какое могли бъ имѣть прежде о хвалимой ею особѣ.

Я умоляла ее именемъ той дружбы, которую она точно имѣетъ ко мнѣ, чтобъ она нигдѣ и никогда не хвалила меня, и сказала ей прямо, что чрезмѣрность ея добрыхъ словъ вредитъ всякому; что

расхваленный ею человѣкъ чувствуетъ себя убитымъ, уничтоженнымъ, не радъ жизни, отъ того что на него смотрятъ съ удивленіемъ, не находя въ немъ ничего даже похожаго на то описаніе, какое вы сдѣлали объ немъ.

На другой день, какъ нарочно, я не имѣла времени зайти къ госпожѣ С******вой поутру, а къ вечеру уѣхала на дачу къ Князю Д*****ву; тамъ я, кромѣ того что имѣла удовольствіе возобновить старое знакомство съ семействомъ его, сдѣлала еще нѣсколько новыхъ; особливо мнѣ очень пріятно было узнать двухъ молодыхъ Графовъ К*****хъ, сыновей моего бывшаго начальника.

Общество стараго Князя Д*****ва состоитъ, и теперь также, какъ состояло

прежде, изъ людей образованныхъ, съ дарованіями, и что еще рѣже и лучше дарованій, съ добрымъ сердцемъ и благородною душою. Никогда ни одного дурнаго человѣка не встрѣчала я въ радушномъ, свѣтломъ, тепломъ и веселомъ домѣ Князя Д*****ва. Многочисленная семья его во всемъ похожа на него: всѣ они добры, ласковы и вѣжливы; дочь Князя, которую я знала еще, когда она носила волосы завитые à la tirebouchon, и была очень миленькая, черноглазая брюнеточка, четырнадцати лѣтъ, теперь дама, мать многихъ дѣтей и, какъ была, такъ и осталась: *святое добродушіе.* Свѣтъ, его примѣры, богатство, почести, не исказили ея прекрасной души — она все та же.

Я провела у нихъ дней пять; жила въ прекрасномъ маленькомъ чердачкѣ,

похожемъ на палатку; читала, гуляла по дачамъ, изъ которыхъ Княжева лучшая; ѣздила верхомъ на маленькой лошадкѣ, которая имѣла дурную привычку скакать во весь духъ на всякую гору, хотя бъ сѣдокъ ея вовсе того не хотѣлъ; видѣла много дамъ, прогуливающихся верхами, и всегда уѣзжала отъ нихъ далѣе: мнѣ стыдно было, что у меня *лошадка*, а не конь боевой, и что эта лошадка подчасъ можетъ и унести меня, какъ *Лерда Домбидейкса*, совершенно противъ воли; что во всякомъ случаѣ очень смѣшно, а для меня даже убійственно: можетъ ли кто ожидать, что рука управлявшаго нѣкогда Алкидомъ, не можетъ справиться теперь съ дѣтскою лошадкою!

Пріѣхавъ обратно въ городъ, я узнала отъ своего мальчика, что госпожа

С******ва присылала каждый день узнать, возвратилась ли я? и раза три приходила сама. Вотъ неугомонная женщина и неугомонная дружба ея!.... Надобно однако жъ отправиться въ *Моховую*. Говорятъ: *старый другъ лучше новыхъ двухъ.*

Молодая Т****ская, женщина рѣдкихъ достоинствъ: и добродушна и простодушна какъ дитя. Я очень удивилась, увидя въ *мрачномъ углѣ*, обитаемомъ госпожею С*****вою, даму хорошаго тона. Видно, думала я, пріятельница моя не увеличивала, по обыкновенію, когда говорила, что имѣетъ хорошія знакомства.

Т****ская очень хороша собой, недавно замужемъ и не имѣетъ еще, какъ кажется, и двадцати лѣтъ отъ роду. Къ С****вой она пріѣхала съ мужемъ, мо-

лодымъ и прекраснымъ человѣкомъ; я познакомилась съ ними очень скоро.

«Ну, что, спросила меня С*****ва, на другой день, когда я пришла къ ней поутру, что!..... каковы Т****кіе?..... особливо она, что за ангельская душа!.... что за....» «Постойте, ради Бога, постойте!..... дайте мнѣ самой узнать ихъ хорошія качества; они приглашали меня пріѣзжать къ нимъ, запросто, когда мнѣ вздумается, и я хочу завтра итти къ нимъ поутру.» «Подите, mon ami! вы увидите, что это за люди!..... какой тонъ!..... какой домъ!..... не ихъ, но все равно: какъ меблированъ! одна мебель стоитъ двадцать тысячъ!..... съ какимъ вкусомъ сдѣлана!..... великолѣпная мебель!....» «Да утишится ли когда нибудь восторгъ вашъ!.... Впрочемъ, ме-

бель, пожалуй, хвалите сколько угодно, потому что если она ровно двѣсти разъ будетъ хуже того, какъ вы ее опишете то въ этомъ еще никто ничего не теряетъ.»

— Съ чего однакожъ взяли вы ни въ чемъ не вѣрить мнѣ?..... Да вотъ я сейчасъ докажу вамъ, что говорю правду: у меня есть одно такое кресло, какъ вся мебель у Т*****кихъ.»

— Какъ! въ двадцать тысячъ?.....

«Не въ двадцать тысячъ, а только точно такое.» Между тѣмъ какъ она пошла за ширмы, чтобъ вытащить оттуда какія-то завѣтныя кресла, я взяла шляпу. «Ну, что теперь скажете!..... не прелесть ли это!» говорила она, ставя передо мною кресла такъ, чтобъ загородили мнѣ дорогу къ дверямъ. «Правда, правда! это

въ самомъ дѣлѣ какой-то отрывокъ роскоши и богатства!» «То-то же!..... не все же я хвалю *очертя голову, безъ пощады, на-поваль!* любимыя ваши выраженія!....» Она понесла въ торжествѣ свои кресла на прежнее ихъ мѣсто, говоря мнѣ: «Не бѣгите же, не бѣгите! куда вы?..... у меня кофе готовъ; я жду гостей, ко мнѣ пріѣдутъ....» Она сказала фамиліи трехъ или четырехъ молодыхъ людей, которыхъ ожидала, и хотѣла было дѣлать восторженное описаніе ихъ наружности, ума, дарованій, поступи, тѣлодвиженій..... И я уже съ отчаяніемъ положила шляпу и сѣла на стулъ, чтобъ переносить эту пытку, какъ вдругъ хвалимые вошли.

Вотъ уже пятый мѣсяцъ, какъ я здѣсь; наступила осень; вечера дѣлаются долги

и скучны; хоть я и познакомилась съ нѣсколькими домами, посредствомъ молодой Т*****ской, но мнѣ очень трудно примѣниться къ ихъ образу жизни: мучительный вечеръ ихъ, простой, домашній вечеръ, начинается въ девять часовъ!.....

Девять часовъ! пора, которую всѣ мы, когда-либо обитавшіе въ лагеряхъ и на бивакахъ, привыкли считать *порою священною!* Мнѣ кажется, я и теперь еще слышу важный и торжественный звукъ трубъ, играющихъ: *Да исправится молитва моя!*..... и въ эту-то самую пору я должна одѣваться, завивать волосы, свесть съ ума своего мальчика поспѣшнымъ требованіемъ то того, то другаго, съ нетерпѣніемъ оттолкнуть свою собачку, которая, встревожась безвременными сборами куда-то, ласкается, ложится ко

мнѣ на руки, жмется къ груди и бѣлою шерстью своею мараетъ мой черный фракъ!..... И для чего жъ я дѣлаю все это?..... одѣваюсь, досадую, тороплюсь, отталкиваю?..... Для того только, чтобъ ѣхать верстъ за шесть или за пять, верстою ближе или дальше, въ какой нибудь домъ, гдѣ я чрезъ полчаса уже чувствую себя совершенно лишнею, потому что всѣ или играютъ, или танцуютъ. Играть я не люблю, танцовать, какъ-то не приводится, да и было бы смѣшно: я должна танцовать съ дамою! Какая жъ изъ нихъ пойдетъ со мною охотно?..... И въ этомъ случаѣ я тоже плачу имъ совершенною взаимностью!.... Нѣтъ, нѣтъ!.... на балахъ, вечерахъ, не въ своей тарелкѣ я!

Первая часть моихъ Записокъ вышла и какъ масло расплылась повсюду, не

принеся мнѣ ни какой прибыли, кромѣ нестерпимой скуки слышать, что всякой начинаетъ и оканчиваетъ разговоръ со мною, не иначе, какъ о моихъ Запискахъ; другой матеріи нѣтъ!..... Я, настоящее второе изданіе моихъ Записокъ одушевленное.

Вторая часть тянется болѣе трехъ мѣсяцевъ; а первая, давно уже красуется на столѣ у меня, огромною грудою!....

1-е Генваря. Сегодня срокъ платить Кайданову за бумагу, кажется, болѣе трехъ тысячъ съ половиною, а у меня, право, нѣтъ и четырехъ сотъ рублей! Что жъ тутъ дѣлать? Просить подождать, мнѣ кажется слишкомъ унизительно и несправедливо!.... Если бъ онъ согласился взять книгами!..... у меня одинъ только этотъ

способъ и есть расплатиться!.... предложу его. И какъ я въ качествѣ должника не-въ-правѣ назначать цѣны своей книгѣ, то отдамъ ему на волю назначить самому.

Я уже ни какъ не ожидала, чтобъ Шат**** далъ мнѣ болѣе пяти рублей за экземпляръ, и безъ малѣйшей тревоги сердца готова была отдать слѣдующее число книгъ; но, къ счастію, дѣло обошлось иначе..... Надобно отдать справедливость благородному С****, что онъ не захотѣлъ пользоваться случаемъ получить большую половину моихъ книгъ, менѣе нежели по четыре рубля, потому что я считала себя обязанною уступить безспорно, за какую бъ то ни было малую цѣну, только чтобъ заплатить деньги, которымъ пришелъ срокъ.

С*****далъ Шат***** по семи рублей съ полтиною за экземпляръ, и я такъ обрадовалась этой выгодной сдѣлкѣ, что съ самымъ веселымъ видомъ смотрѣла, какъ брали со стола мои четыреста экземпляровъ и уносили внизъ укладывать въ сани господина Шат*****.

«Надѣюсь, вы сдѣлаете мнѣ честь, пожалуйсте ко мнѣ откушать! говорила мнѣ одна очень любезная дама (вскорѣ послѣ того, какъ первая часть моихъ Записокъ пошла гулять по свѣту).» «Охотно; въ которомъ часу вы обѣдаете?» «Въ четыре; я пришлю за вами карету; гдѣ вы живете? — Я сказала.

Любопытные взоры всѣхъ гостей, какое то невольное движеніе подойти ко мнѣ ближе, поспѣшная встрѣча хозяйки, радушно взявшей мои руки и дружески пожавшей ихъ, показали мнѣ, что я

желанный гость въ этомъ домѣ, и въ мигъ разсѣяли мое недовѣріе къ себѣ и боязнь сдѣлать или сказать что нибудь не въ попадъ.

Я осталась тутъ съ часъ еще послѣ обѣда, и не скучала, отвѣчая на распросы дамъ, иногда довольно замысловатые.

«Позвольте мнѣ быть увѣренной, что знакомство наше этимъ не кончится; вы много обяжете меня, если будете пріѣзжать чаще; мы всѣ такъ полюбили васъ; у меня рѣдко бываетъ большее общество; все это, что вы сегодня видѣли, мои родные: у меня кругъ семейной.» Это говорила хозяйка дома, провожая меня до дверей гостиной. Я хотѣла было уѣхать такъ, какъ уѣзжала, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, тихонько, не простясь; но постоянное вни-

маніе хозяйки мнѣ этого не позволило. Я уѣхала въ той же каретѣ, въ которой пріѣхала.

Хотѣла бъ я знать, есть ли что нибудь гаже и безпокойнѣе теперешняго извощичьяго экипажа (разумѣется, дрожекъ), кому-то пришло въ голову дѣлать ихъ безъ особливаго мѣста для кучера, и вышла простая, длинная лавка, обтянутая сукномъ!..... прежде это было не такъ! Наемный экипажъ этотъ былъ покоенъ, красивъ и очень благородной фигуры; кучеръ сидѣлъ на приличномъ ему мѣстѣ, а не на колѣнахъ у пассажира..... Люди вѣчно перемудрятъ; выдумывать ихъ страсть, и если не могутъ выдумать лучше, то начинаютъ портить; но остановиться на чемъ нибудь хорошемъ.... сохрани Боже!.... надобно итти вдаль!....

Я по неволѣ обратила вниманіе на такую гадкую вещь, какою кажутся мнѣ извощичьи дрожки..... Меня засталъ дождь на дорогѣ, и чтобъ скорѣе спастись отъ него, я сѣла на первыя попавшіяся мнѣ дрожки, и отъ нечего дѣлать, всю дорогу замѣчала ихъ невыгодность и несовершенство. У воротъ госпожи С****вой я встала, и хотя въ это самое время дождь пустился какъ изъ ведра, бодро перебѣжала дворъ; моя пріятельница едва не расшибла мнѣ черепа въ куски, поспѣша распахнуть дверь, чтобъ скорѣе впустить меня: «А.... bon jour, mon ami!.... mon bon ami! гдѣ это вы были?..... я посылала за вами Володю, посылала Фипетту (горничная дѣвка) — нѣтъ, какъ нѣтъ!..... нигдѣ не могли найти васъ!« «Странно, въ самомъ дѣлѣ!..... *не могли найти въ Петербургѣ*!..... это вѣдь такъ

легко!» «Ну полно, полно!.... садитесь; у меня сегодня гости!» «Поздравляю васъ; но когда жъ ихъ нѣтъ?» «Ахъ, правда! я такъ счастлива — у меня всегда люди!»

Я не была у госпожи С*****вой съ недѣлю; этого отдохновенія требовало здоровье мое: влажность адскаго жилища, гдѣ бѣдность и вмѣстѣ вѣтренность заставили ее угнѣздиться, сильно стала дѣйствовать на мою физику: легкая боль въ рукѣ, которую я чувствовала еще дома, стала усиливаться до нестерпимости, и я постепенно теряла способность владѣть ею.

Въ продолженіе этого времени, дама, присылавшая за мною карету, прислала опять звать меня на вечеръ: «У меня будутъ пѣть Тирольцы, — писала она въ записочкѣ, — пріѣзжайте послушать и срав-

нить ихъ пѣніе съ тѣмъ, которое вы, вѣрно, слышали въ ихъ родинѣ, на ихъ горахъ.» Я пріѣхала; на этотъ разъ общество было гораздо многочисленнѣе прежняго; снова была я дорогимъ гостемъ; снова милая хозяйка сжала мои руки въ своихъ, какъ нельзя болѣе, дружески. Снова любопытство и вниманіе всѣхъ были обращены ко мнѣ одной, и опять дамы, дѣлавшія мнѣ замысловатые вопросы, стали дѣлаль ихъ, и какъ видно, въ угодность своимъ пріятельницамъ, о такихъ уже вещахъ, что я была въ большомъ затрудненіи какъ отвѣчать!.... Долговременная привычка, говорить и поступать сообразно своей ролѣ въ свѣтѣ, дѣлала для меня вопросы ихъ и смѣшными и дикими вмѣстѣ. Я не понимала, какъ могутъ онѣ рѣшиться говорить мнѣ подобныя вещи.

Получа множество лестныхъ приглашеній и ласковый выговоръ отъ хозяйки, что забыла ее и что вѣрно не вспомнила бы, если бъ она не прислала за мною, я простилась и уѣхала. Надобно бы на этомъ кончить. Это было второе посѣщеніе; но какъ же не повѣрить, когда держатъ руку, провожаютъ до дверей и говорятъ: позвольте намъ надѣяться, что вы не будете уже такъ забывчивы и пріѣдете къ намъ, какъ только можете скорѣе.

«Что съ вами, mon ami, что съ вами!... скажите, ради Бога?....» говорила госпожа С*****ва, схватывая меня съ испугомъ, какъ только я переступила черезъ порогъ; я испугалась сама: «А что?» «Да вы цѣлую недѣлю не были у меня. Я думала, вы лежите при смерти больны!» «Да вы, кажется, успѣете хоть кого уложить на смертный одръ, если будете такъ пугать при входѣ; я право думала, что вы уже видите на лицѣ моемъ всѣ признаки смерти: съ такимъ ужасомъ вы

бросились ко мнѣ.» «Да какъ же не грѣхъ не прiйти цѣлую недѣлю! развѣ такъ дѣлаютъ друзья?....» «Дѣлаютъ иногда.» «Извините..... никогда!..... Ну, да ужъ Богъ проститъ! вы теперь здѣсь, такъ все забыто. Разскажите жъ мнѣ, гдѣ вы были во все это время? кого видѣли? съ кѣмъ познакомились?» — Я разсказала. «Вы пресчастливый человѣкъ, Александровъ! всѣ наперерывъ хотятъ узнать васъ, увидѣть, познакомиться!..... какъ бы я желала быть на вашемъ мѣстѣ!.... Ну, кто жъ были еще на этомъ вечерѣ?» Я сказала фамилiи тѣхъ, кого могла вспомнить. С*****ва многихъ изъ нихъ знала и захвалила на смерть.

Возвратясь домой, я нашла записку; мальчикъ подалъ ее мнѣ съ какимъ-то необыкновеннымъ глупо-торжественнымъ

видомъ: «Что съ тобою, Тишка?» «Приходили покупать ваши книги!» «А! видно и тебѣ наскучила эта розовая скала! кто жъ приходилъ?» «Не знаю.» «Почему жъ ты думаешь, что это для покупки книгъ?»

«Такъ сказалъ тотъ кто былъ.» «Для чего жъ ты не спросилъ, кто онъ таковъ?» «Такъ, что-то не пришло въ голову.» «Умно!» Я стала читать записку, и съ первыхъ словъ увидѣла, что это не о книгахъ. «Ты вздоръ говоришь, Тихонъ; тутъ совсѣмъ не о книгахъ пишутъ.» «Эту записку привезли двѣ дамы въ каретѣ четверней; онѣ велѣли вамъ пріѣхать къ нимъ завтра, потому что онѣ больны и никуда не выѣзжаютъ.....

Я услышала хохотъ у дверей; это была одна изъ моихъ родственницъ: «Какъ

вижу, mon frere, краснорѣчіе Цицерона ничто противъ витіеватаго слога вашего Тишки!.... Я пришла звать васъ гулять въ Таврическій Садъ; пойдемте пожалуста, насъ большая компанія и всѣ горятъ нетерпѣніемъ васъ видѣть!»

И мнѣ должно выступить напоказъ!.... Увольте ma soeur..... Къ тому жъ я не люблю гулять въ Таврическомъ Саду.» «Ахъ, что вы говорите!..... это такая прелесть!» «Болѣе чѣмъ прелесть; это рай, но я не люблю гулять въ немъ.» «У васъ странный вкусъ!» «Можетъ быть; но вѣдь вы знаете пословицу, что о вкусахъ спорить нельзя..... Впрочемъ я принимаю смѣлость думать, что мой вкусъ хорошъ: я люблю гулять тамъ, гдѣ ни взору, ни волѣ моей нѣтъ преграды.» «Вы хотите невозможнаго; сады не бы-

ваютъ открытымъ мѣстомъ: ихъ всегда огораживаютъ!» «Ну, да на этотъ разъ дѣло въ томъ, что я не пойду съ вами гулять! Прощайте, ma soeur, не удерживаю васъ.»

Кузина ушла, а я осталась разбирать записку, привезенную *въ каретѣ четверней;* бѣлыя чернилы, дурное перо, которые не знаю гдѣ выискали и подали пріѣзжавшей дамѣ, были причиной, что я не могла ничего понять изъ написаннаго; и такъ, оставя безплодный трудъ разбирать невѣдомыя письмена, предоставила завтрашнему дню рѣшить эту задачу.

На другой день я оставалась дома часовъ до четырехъ; но никто не появлялся. Я взглянула печально на неколе-

бимую громаду моихъ розовыхъ книгъ, и на послѣднiй золотой, которой у меня оставался, и пошла на Васильевскiй Островъ; тамъ было у меня старинное знакомство: вдова съ двумя дочерьми и двумя же сыновьями; въ первый разъ еще пришло мнѣ на мысль зайти къ нимъ— и вотъ я отправилась.

Переходя Исакiевскiй мостъ, я увидѣла множество экипажей на площади противъ Академiи Художествъ. На вопросъ мой, «для чего этотъ съѣздъ?» отвѣчали: что сегодня можно смотрѣть картины. Я вспомнила, что еще не видала славной картины Брюлова: «*Послѣднiй день Помпеи*» и пошла за толпой.

Не моему перу описывать красоты этой картины! Какъ языкъ мой не имѣлъ вы-

раженія для чувствъ, такъ и перо не можетъ передать ихъ бумагѣ! я смотрѣла, дивилась, восхищалась и — молчала!... Что можно сказать тамъ, гдѣ все, что бъ ни сказала, будетъ мало?....

Отъ картины Брюлова нельзя итти въ гости! нельзя итти никуда! Лучше всего переѣхать Неву обратно, и уйти въ Лѣтній Садъ.

Исполненная удивленія къ великому таланту славнаго художника, шла я задумчиво въ свой обратный путь, по широкой аллеѣ Лѣтняго Сада. Визгливое восклицаніе: bon jour, mon ami,» раздавшееся вплоть подлѣ моего уха, заставило меня вздрогнуть и остановиться: это была госпожа С*****ва съ своимъ Володею: «Куда вы идете?..... пойдемте

съ нами въ Академію Художествъ: мы идемъ туда смотрѣть картины.» «Я сейчасъ оттуда.» «Нужды нѣтъ! воротитесь съ нами; пожалуста, mon ami! soyez si bon; сдѣлайте это для меня, для вашей С*****вой!....»

Нечего дѣлать! я уступила, и на этотъ разъ почти охотно: мнѣ любопытно было слышать, какими именно выраженіями будетъ она описывать несравненную картину Брюлова, и такъ я воротилась и пошла вмѣстѣ съ ними, ожидая каждую минуту, что она воскликнетъ: «чудная картина!..... видѣли вы ее?» но я напрасно ожидала этого; С*****ва, говорила во всю дорогу о парадѣ и спрашивала меня, видѣла ль я его?.... не правда ли, какъ похожъ Государь! Наслѣдникъ! всѣ генералы! даже солдаты! да-

же нѣкоторые изъ зрителей чрезвычайно сходны!» «Я смотрѣла на нее съ удивленіемъ:» да съ кѣмъ же всѣ они сходны? что вы такое говорите, чего я не могу понять?» «Съ кѣмъ?,.... странный вопросъ!..... разумѣется, всякой самъ съ собою!» Я замолчала.

Наконецъ мы пришли въ Академію; тутъ загадка объяснилась, и я увидѣла, что мы съ госпожею С*****вою не понимали другъ друга; она говорила о парадѣ-картинѣ, а я разумѣла парадъ настоящій. Прежде всего она потащила меня къ своему кумиру—къ этому параду, и съ восторгомъ разсказывала мнѣ, кто именно изображенъ: вотъ Государь!... Боже мой! какъ живой!.... вотъ Наслѣдникъ!..... что за ангелъ!..... Въ этомъ я была согласна съ нею, и съ удовольствіемъ смотрѣла на юношескую красо-

ту будущаго Царя Россіи. Надобно отдать справедливость искусству художника: величавый видъ Государя и прекрасная фигура Наслѣдника переданы картинѣ съ величайшею точностію; о сходствѣ прочихъ лицъ я не могла судить, потому что никогда не видала ихъ.

«Теперь пойдемте къ чуду нашего вѣка, къ картинѣ Брюлова: *Послѣдній день Помпеи*,» сказала я моей пріятельницѣ, замѣтя, что восторгъ ея передъ парадомъ началъ утихать. «Пойдемте.» Вотъ мы передъ картиною..... Я опять молчу, но С*****ва!..... лучше было бы и ей тоже молчать! Молчаніе можно перетолковать иногда очень выгодно для безмолвствующаго.

Сегодня мнѣ вовсе нечѣмъ заняться. Дня четыре уже прошло, какъ я была на вечерѣ у госпожи Р**С***; поѣду къ ней, а то она опять скажетъ, что я забыла ее.

Собачка моя болѣе обыкновеннаго ласкалась ко мнѣ, и какъ будто не хотѣла разстаться со мною этого вечера. Бѣдное маленькое существо! жизнь твоя безрадостна теперь!.... Въ самомъ дѣлѣ, я никуда не могу брать ее съ собою;

она уже не молода, не имѣетъ прежней увертливости, и въ мигъ попадетъ подъ колесо. «Подожди, Амуръ, говорила я, гладя бѣлую, шелковистую шерсть его, подожди, другъ мой вѣрный; кончится когда нибудь невзгода наша, и мы возвратимся на цвѣтущіе луга свои, гдѣ ты опять будешь бѣгать въ волю.» Окончa утѣшительную рѣчь своей собачкѣ и поцѣловавъ ее по обыкновенію, я поѣхала провесть вечеръ у госпожи Р**С***.

«Дома барыня?» «Дома». Человѣкъ пошелъ доложить. «Пожалуйте.» Я вошла. «Здравствуйте!.... Садитесь!.... Сюда не угодно ли, на диванъ.» Я сѣла, немного удивленная тѣмъ, что меня уже не берутъ за обѣ руки, не пожимаютъ ихъ; не видно радостной улыбки на хо-

рошенькомъ личикѣ моей хозяйки! Съ минуту она искала, что сказать: «Какъ ваши дѣла!.... вы, я думаю, въ хлопотахъ?»

Я отвѣчала машинально: «Да, занятія мои не совсѣмъ пріятны.» Но думала: кажется, въ первыя два посѣщенія ни о чемъ такъ мало не заботились, какъ о моихъ дѣлахъ и хлопотахъ; находились матеріи веселѣе и занимательнѣе. Между тѣмъ пріѣхало нѣсколько гостей, знакомыхъ уже мнѣ; они поклонились вѣжливо, ласково; сказали со мною нѣсколько словъ и сѣли за карты; хозяйка тоже стала играть, и отъ той минуты я совершенно исчезла изъ глазъ и памяти ея: она совсѣмъ забыла обо мнѣ.

Къ дверямъ залы я подошла одна!.... не слышно словъ: «Не забывайте насъ

такъ надолго.» У подъѣзда нѣтъ кареты, готовой отвезть меня: я должна была уйти пѣшкомъ. Что жъ это значитъ?.... Четыре дня только прошли отъ того вечера, какъ мною такъ дорожили! Что могло сдѣлаться въ эти четыре дня?

Теперь я уже знаю, что значитъ и что могло сдѣлаться; но тогда долго ломала голову, чтобъ разгадать перемѣну въ обращеніи госпожи Р**С*** и ея знакомыхъ; наконецъ, приписавъ все это мимолетному капризу, рѣшилась однако же не подвергаться ему болѣе и оставить знакомство госпожи Р**С***. Такъ кончилось третье посѣщеніе дома Р**С***; но для чего жъ оно было сдѣлано!.....

Сегодня жду васъ обѣдать, писала мнѣ молодая Т*****ская; вечеромъ у меня

будутъ гости, и въ томъ числѣ госпожа Б******: дама, извѣстная умомъ и любезностію обращенія. Совѣтую вамъ познакомиться съ нею, тѣмъ болѣе, что она сама интересуется знакомствомъ вашимъ.

Т*****ская не увеличивала; госпожа Б****** самая любезная женщина, какую я когда либо знала. Пройду въ молчаніи знакомство мое съ нею—оно осталось однимъ изъ лучшихъ. Меня принимали безъ восторга въ первый разъ, но и не провожали холодно въ третій; всегда я была принимаема тутъ одинаково: ласково и вѣжливо.

Ко мнѣ пріѣхала родственница госпожи Н. Н***. «Я уже пріѣзжала за вами, monsieur Александровъ; родственница моя не дала мнѣ покоя: поѣзжайте, отыщите, гдѣ хо-

тите, Александрова и привезите его ко мнѣ; скажите что я горю нетерпѣніемъ узнать его; что я поѣхала бъ къ нему сама, но что я больна; скажите ему это, и пріѣзжайте вмѣстѣ съ нимъ непремѣнно! Теперь позвольте мнѣ надѣяться, что я не уѣду одна?»

Какъ отказаться отъ подобнаго приглашенія!..... Сверхъ, того мнѣ самой чрезвычайно хотѣлось познакомиться съ этой дамой; я знала хорошо брата ея; и такъ я поѣхала къ ней въ ту жъ минуту.

Дама, еще молодая и довольно пріятной наружности, встрѣтила меня съ самою любезною вѣжливостію. «Я съ такимъ удовольствіемъ, стала она говорить, читала ваши Записки, съ такимъ участіемъ во все входила; мнѣ казалось, что я сама была вездѣ съ вами и чувствова-

ла то же что и вы!» Я отвѣчала какъ должно было отвѣчать на такое обязательное начало.

Въ этотъ день я не могла остаться обѣдать у госпожи Н. Н****, и такъ она взяла съ меня слово, что я прiѣду къ ней въ Воскресенье. «Я пришлю за вами карету, говорила она, и вы сдѣлаете мнѣ удовольствiе, привезете съ собою нѣсколько экземпляровъ вашихъ книгъ. У меня просили ихъ.»

До Воскресенья ничего замѣчательнаго не случилось, исключая, что я вынуждена была сама предложить господину Гл*****ву купить у меня нѣсколько экземпляровъ моихъ книгъ, потому что мой послѣднiй золотой давно уже превратился въ мелкую монету, а изъ нея въ ничто; къ счастiю, Гл****въ, взялъ

двадцать экземпляровъ и прислалъ мнѣ деньги.

Въ Воскресенье я отправилась къ госпожѣ Н. Н****, но ея не было дома; однако жъ она скоро пріѣхала, извинилась передо мною, говоря, что худо разочла время, полагая, что воротится скорѣе. «Сядемте за столъ; сегодня мы обѣдаемъ однѣ; на дняхъ пріѣзжайте ко мнѣ; я познакомлю васъ со многими изъ моихъ друзей; они всѣ очень интересуются вами. Впрочемъ, я думаю, что сегодня вечеромъ у меня будутъ нѣкоторые; останьтесь у меня до вечера. Я приняла предложеніе, потому что до вечера оставалось уже не болѣе двухъ часовъ — такъ поздно мы обѣдали.

Послѣобѣденное время пролетѣло очень скоро; разговоръ госпожи Н. Н**** былъ

довольно живъ и остроуменъ; а простое, непринужденное обращеніе ея мнѣ чрезвычайно нравилось; оно, такъ сказать, развязывало мнѣ руки и давало свободу говорить и поступать, какъ я привыкла; сверхъ того, еще оно очаровывало меня сходствомъ своимъ съ обращеніемъ нашихъ полковыхъ дамъ, любезнѣйшихъ изъ всѣхъ прочихъ сословій дамскихъ.

Вечеромъ пріѣхало много гостей. Милая хозяйка познакомила меня со всѣми, и обращалась со мною, въ продолженіе всего вечера, съ самымъ лестнымъ отличіемъ.

Пріѣзжайте ко мнѣ въ Четвергъ; пріѣдете? спрашивала госпожа П. П**** прощаясь со мною у дверей залы. «Пріѣду.» «Смотрите же, непремѣнно пріѣзжайте; я буду ждать въ четыре часа.»

Что за лживый человѣкъ этотъ Л*****! Покрайности часъ кривлялся онъ, щурился, хмурился, вертѣлъ головою, улыбался, ухмылялся и облизывался, пока наконецъ рѣшился сказать цѣну, какую даетъ мнѣ за всѣ мои книги. Признаюсь, было отчего кривляться!.... При всей его безсовѣстности, это были однако жъ корчи совѣсти. Онъ предложилъ мнѣ по рублю за экземпляръ!.....

И такъ вотъ блистательный успѣхъ!... Вотъ быстрый расходъ моей книги!.....

Дурна она! Дурна! Хорошія книги не залеживаются.

Настал Четверг; я поѣхала къ госпожѣ Н. Н****. Вхожу—зала пуста: обыкновенно тутъ сидѣла молоденькая Калмычка за пяльцами, — теперь ее нѣтъ; нѣтъ и Француженки — компаніонки; нѣтъ молодой Англичанки — надзирательницы; прохожу въ гостиную — нѣтъ никого! въ кабинетъ! — пусто и тамъ! возвращаюсь въ залъ, смотрю на часы — условное время: ровно четыре! чтожъ сдѣлалось съ обитателями гостепріимнаго дома этого? куда всѣ они дѣвались?..... я ушла опять въ кабинетъ; сѣла въ кресла, противъ нѣсколькихъ семейныхъ портретовъ и разсматривала ихъ красивыя черты: вотъ бабушка госпожи Н. Н. блиставшая нѣкогда рѣдкою красотою! вотъ мать ея,

тоже красавица! вотъ отецъ ея, который считался одним изъ первыхъ красавцевъ въ государствѣ!..... какія прекрасныя лица!..... непостижима природа въ своихъ измѣненіяхъ!..... какъ странны переходы ея отъ красоты къ безобразію!..... и за что, напримѣръ, вотъ этимъ тремъ особамъ, дано красоты черезъ-чуръ; отрасли ихъ, одна просто пріятная наружность, но въ которой ни одной черты нельзя назвать прекрасною!..... безчисленному множеству людей даетъ лица дурныя, ужасныя, до отвратительности безобразныя!..... чѣмъ же тѣ заслужили красоту?..... чѣмъ эти навлекли на себя несчастіе быть страшилищами?... съ цѣлью дѣлаетъ это общая мать наша природа?.... по капризу?.... случайность это?..... или какая нибудь отдаленная причина такого различія?.... кто разга-

даетъ ни для кого непостижимое, никѣмъ неразгаданное?

Размышленія мои были прерваны приходомъ дамы, завѣдывающей всею внутреннею экономіею въ домѣ госпожи П. Н.

«Ахъ, вы здѣсь? я и не слыхала, когда вы пріѣхали.»

Я спросила ее, гдѣ госпожа Н. Н. «Поѣхала къ Княгинѣ С**** своей кузинѣ; она отъѣзжаетъ на той недѣлѣ въ Москву, такъ госпожа П. Н. хотѣла сдѣлать ей какія-то порученія. Однако жъ она воротится домой къ обѣду: она сказала, что обѣдаетъ дома.»

Я вышла опять въ залу; дама, говорившая со мною, ушла заниматься хозяйственными распоряженіями; на ча-

сахъ было уже пять. Не знаю, кто изъ насъ смѣшнѣе? я ли съ своею точностію являться именно въ тѣ часы, которые мнѣ назначатъ; или госпожа П. Н. съ своею привычкою худо расчитывать время?.... Я хотѣла было уйдти, но вспомнивъ ласковое и дружеское обращеніе госпожи П. Н. не рѣшилась сдѣлать этого. Это еще не бѣда, что я должна подождать ее часъ лишній!... но вотъ уже и шесть, а хозяйки дома все еще нѣтъ! Экономка ея уходила, приходила и опять уходила! Для чего жъ я не ушла?.... какъ можно! Я опять ушла въ кабинетъ и опять усѣлась противъ портретовъ!.... Но вотъ наконецъ слышенъ шумъ на лѣстницѣ; въ прихожей все зашевелилось; все пришло въ движеніе. Я однако жъ рѣшилась ждать прихода хозяйки тамъ, гдѣ была. Идутъ черезъ залъ, но это поход-

ка не дамы; это мущина и сверхъ того не одинъ: двое молодыхъ людей входятъ въ кабинетъ, съ любопытствомъ устремляютъ на меня глаза и наконецъ кланяются, спрашивая: «конечно госпожи Н. Н. нѣтъ еще дома?» «Нѣтъ, она еще не пріѣхала.»

Въ это самое время карета съ громомъ подкатилась и остановилась у подъѣзда. Наконецъ мы дождались госпожи дома. Вотъ она пріѣхала; вотъ взошла на лѣстницу; входитъ въ залъ, видитъ меня и двухъ иностранцевъ, ея знакомыхъ; она слегка киваетъ мнѣ головою, говоритъ наскоро: «здравствуйте!» и оборачивается къ иностранцамъ—этимъ двумъ молодымъ людямъ, только что пришедшимъ передъ ея пріѣздомъ. «Pardon messieurs! я заставила васъ ждать, mais j'ai èté si affairèe

ce matin!..... давно вы здѣсь?..... il me semble que le tems n'est pas encor si..... Еще не поздно! six heures et dèmi!..... Миссъ! прикажите давать на столъ!» Сказавъ это, она прошла проворно въ свой кабинетъ, оттуда въ спальню и затворила за собою дверь.

Я стояла въ изумленіи: та ли это женщина, которая не могла успокоиться, пока не отыскала меня, которая такъ мило, такъ дружески обращалась со мною, дня два тому назадъ?..... подожду; можетъ быть она въ самомъ-дѣлѣ слишкомъ affairèe.

Пока я разсуждала сама съ собою стоя въ залѣ на томъ же мѣстѣ, на которомъ госпожа Н. Н. остановила меня своимъ быстрымъ кивкомъ головы и мимолет-

нымъ: «здравствуйте,» какъ заклинаніемъ, она возвратилась и, ни на минуту не обращая ко мнѣ своего вниманія, занялась самымъ веселымъ и одушевленнымъ разговоромъ съ двумя иностранцами. Сѣли за столъ. Госпожа Н. Н. сказала мнѣ: «садитесь!» и указала рукою мѣсто близъ одного изъ иностранцевъ, которыхъ усадила обоихъ подлѣ себя, одного съ правой, другаго съ лѣвой стороны, какъ геніевъ злаго и добраго; и во весь обѣдъ неумолкно говорила съ ними о театрѣ, музыкѣ, городскихъ происшествіяхъ, отъѣздѣ, пріѣздѣ своихъ знакомыхъ, кто у нея былъ и кто будетъ еще, гдѣ она была и куда еще намѣревается ѣхать;.... однимъ словомъ это былъ гремящій ручей, который не переставалъ гремѣть и катиться въ продолженіе и до конца обѣда.

Я не могла уже обманываться и видѣла, что меня щитаютъ наровнѣ съ тѣми, которые званіемъ своимъ у госпожи Н. Н. осуждены сидѣть за столомъ ея *безмолвно*. Съ ними не говорятъ потому, что они не разумѣютъ ни матеріи, о которой говорятъ, ни языка, который принятъ въ свѣтѣ для всѣхъ возможныхъ разговоровъ; но по какому жъ чуду стала я вдругъ на одну доску съ ними въ мнѣніи госпожи Н. Н?..... съ чего взяла она, что я не пойму ея жалкаго пустословія?..... напротивъ я столько поняла его, что добровольно не взяла бъ въ немъ участія. Отъ чего такое поспѣшное и совершенное разочарованіе?..... Не она ль сама говорила, что не имѣла покоя, пока не отыскала меня?.... Этому прошла только недѣля, если не ошибаюсь! что жъ

сдѣлалось въ *благовонномъ* умѣ госпожи Н. Н., въ такое короткое время?

Тотчасъ послѣ обѣда, я могла уйти безпрепятственно, мною никто не занялся. Госпожа Н. Н. прошла въ кабинетъ съ обоими иностранцами, безпрестанно говоря съ ними и безпрестанно оборачивая голову то на право, то на лѣво, то есть: то къ тому, то къ другому. Я ушла домой. Такъ кончилось мое третіе посѣщеніе обязательной госпожи Н. Н.

Смѣю ли надѣяться, что и вы будете въ числѣ гостей моихъ Александръ Андреевичъ? говорилъ мнѣ вѣжливый Е*р*а когда карета его остановилась у воротъ моей квартиры. Мы вмѣстѣ были у одной ученой дамы; вмѣстѣ вышли отъ нея и какъ на ту пору шелъ сильный дождь, то онъ и предложилъ мнѣ доѣхать домой съ нимъ въ каретѣ.

Въ четвергъ ожидаю васъ, сказалъ онъ, кланяясь изъ окна кареты, которая поворачивала уже въ обратный путь.

Четвергъ, думала я всходя на лѣстницу своей квартиры, опять Четвергъ! день этотъ не совсѣмъ счастливъ для меня; для меня онъ превращается въ Понедѣльникъ!..... но неужели на Е*р*а тоже найдетъ какая нибудь дурь?..... вѣдь онъ мущина! не приводилось бы кажется.

—

Сегодня съ утра идетъ мелкой дождь, чуть видный, но тѣмъ не менѣе успѣшный; улицы полны грязи; воздухъ холоденъ и сыръ. Вечеромъ я поѣхала къ госпожѣ С****вой, которая таки поставила на своемъ, взяла съ меня слово проводить у нея всякой день, вечеръ или

утро, что могу. Сколько я не противилась, сколько не спорила противъ такой несносной обязанности, кончила тѣмъ, что согласилась и вотъ теперь, какъ будто дежурный по карауламъ, отправляюсь каждый вечеръ на главный пикетъ, «въ Моховую.»

Подъѣзжая уже къ воротамъ госпожи С*****вой, услышала я необычайный визгъ маленькой собаки, щенка; я велѣла остановиться, встала съ дрожекъ и пошла на голосъ. Близъ забора стояла телѣга и подъ колесомъ ея лежалъ щенокъ, легавой породы, измокшій, дрожащій, жестоко избитый. Онъ тщетно старался высвободиться изъ подъ тяжести, его придавившей, трепетался лапками и визжалъ во весь голосъ. Я освободила бѣдное животное; одна лапка у не-

го вспухла, видно отъ удара палкою; отъ ласкъ моихъ онъ пересталъ визжать, я укрыла его шинелью и съ этою добычею пріѣхала къ своей пріятельницѣ и пока я сидѣла у нея, пріемышъ мой спалъ крѣпкимъ сномъ. Теперь онъ живетъ у меня и будетъ кажется прекрасная собака.

Когда первая часть моихъ Записокъ пошла гулять по свѣту, то я смертельно боялась насмѣшливой критики нашихъ журналистовъ; но сверхъ ожиданія и даже сверхъ заслугъ, главные изъ нихъ отозвались объ ней не только снисходительно, но даже и очень хорошо. Какъ бы это лестно было моему самолюбію, какъ бы радовало меня, если бъ эти тяжелые девять-сотъ экземпляровъ не ло-

мили подъ собою стола моего, не служили видимымъ опроверженіемъ всѣхъ похвалъ и ничѣмъ неопровергаемымъ доказательствомъ, что книга моя дурна.

Сегодня я прочитала, что въ Запискахъ моихъ много галлицизмовъ.... Это легко можетъ быть, потому что я не имѣю понятія, что такое галлицизмъ. Обвиняютъ издателя, почему не исправилъ ихъ?... Не могъ! рѣшительно не могъ! не имѣлъ на это ни права, ни власти!... Издатель, при жизни автора, ни господинъ, ни хозяинъ издаваемаго сочиненія и долженъ сообразаться съ волею настоящаго властелина его; я не только что поставила непремѣннымъ условіемъ моему родственнику ничего не исправлять въ моихъ Запискахъ, но еще и неусыпно стерегла, чтобъ этого не случилось; и такъ все, что

въ нихъ есть хорошаго — мое, и дурнаго — тоже мое; въ нихъ нѣтъ ни одного слова чужаго, то есть, не собственно моего. Этотъ же критикъ говоритъ, что описаніе моихъ походовъ очень скучно, монотонно, что никому нѣтъ надобности до нихъ и что они не заслуживаютъ быть читаны. Можетъ быть онъ и правъ, но гдѣ жъ набраться восторженныхъ сценъ на цѣлые десять лѣтъ?.... вѣдь сказалъ же кто-то, что всякая жаркая сцена, если продолжительна, дѣлается смѣшна. И наконецъ все таки онъ же называетъ титулъ моей книги *водевильнымъ!* Въ этомъ послѣднемъ я не только что отъ души согласна съ нимъ, но еще и обязана сказать, что въ этомъ некого винить, кромѣ самой меня. Хотя титулъ этотъ придуманъ не мною, но я вмѣсто того, чтобъ найти его водевильнымъ, напротивъ очень

восхитилась имъ и думала: вотъ теперь то моя книга, съ такимъ заманчивымъ названіемъ, въ мигъ разлетится во всѣ концы Россіи!»

Четвергъ. — Домъ недавняго знакомца моего, господина Е*р*а, грустно-великолѣпенъ! правда, что все въ немъ дышетъ вкусомъ и богатствомъ, но и все такъ мертво! смотритъ такимъ унылымъ одиночествомъ! въ этихъ обширныхъ, чистыхъ, свѣтлыхъ комнатахъ нѣтъ главнаго — нѣтъ жизни!..... глубокое молчаніе въ нихъ нарушается только изрѣдка шелестомъ шаговъ задумчиво проходящаго черезъ нихъ хозяина ихъ! окна закрыты, почти всегда, бѣлыми шторами!

никакой голосъ не вскрикнетъ въ нихъ радостно! ничьи шаги не раздадутся въ нихъ быстро и проворно! ни одна пылинка не поднимется съ полу отъ чьего нибудь веселаго скачка!.... Какъ можно осудить себя на такую тоску, томительную тоску одинокой жизни, и осудить добровольно!.....

Все вниманіе радушнаго хозяина было обращено исключительно ко мнѣ. Я нашла много удовольствія въ его разговорѣ, исполненномъ ума и остроты; и мнѣ очень лестно было замѣтить, что не смотря на неусыпное стараніе занять и угостить всѣхъ своихъ посѣтителей, а особливо посѣтительницъ, онъ поминутно обращался ко мнѣ или съ вопросомъ вѣжливымъ, или предложеніемъ обязательнымъ.

Въ часъ за полночь общество разъѣхалось по домамъ; учтивый Е*р*а проводилъ всѣхъ до лѣстницы и, прощаясь со мною, убѣдительно просилъ, продолжать наше знакомство, которое говорилъ онъ, ставитъ себѣ за великую честь.

Во второе посѣщеніе я была принята радостно и учтиво; разговоръ нашъ былъ оживленъ; скучныхъ интерваловъ молчанія не было; со мною говорили какъ съ человѣкомъ, въ которомъ предполагаютъ много ума. Очарованная плѣнительнымъ обращеніемъ моего новаго знакомца, я простилась съ нимъ и отправилась къ госпожѣ С****вой похвалиться пріобрѣтеніемъ такого завиднаго знакомства.

«Что ужъ и говорить, mon ami» сказала она со вздохомъ, выслушавъ описа-

ніе богатаго дома, блистательнаго вечера и внимательнаго обращенія господина Е*р*а; что и говорить! счастливѣе васъ мудрено быть; только вы сами не знаете цѣны себѣ, не знаете правъ своихъ и поступаете не такъ, какъ могли бы поступать; какъ бы должно было и какъ было бы выгоднѣе для васъ несравненно.»

— Это что значитъ?..... вы пустились въ разсужденія, мой добрый другъ!..... что съ вами?..... отчего вы не въ своемъ обыкновенномъ расположеніи духа?

«Мнѣ скучно!..... кажется я должна буду разставаться съ Петербургомъ: сына моего не принимаютъ здѣсь, — нѣтъ вакансіи; впрочемъ буду просить, можетъ быть еще перемѣнятъ. Но что до васъ, то я всегда то думала, что теперь ска-

зала; на вашемъ мѣстѣ, я одѣвалась бы иначе, я не надѣвала бъ ни сертука, ни фрака.»

Я расхохоталась. «Ну это въ самомъ дѣлѣ нешуточное обстоятельство и стоитъ того важнаго вида, съ какимъ вы объявили мнѣ его! — Что жъ бы носили вы, если бъ были мною, или на моемъ мѣстѣ, какъ говорите вы; въ чемъ ходили бъ вы?»

«Въ венгеркѣ! этотъ воинственный нарядъ очень шелъ бы къ вамъ и давалъ бы какой-то необыкновенный видъ!..... а теперь что въ вашемъ сертукѣ, между столькими дюжинами сертуковъ, всякой приметъ васъ за мужчину!.....»

— Тѣмъ лучше, я этого только и хочу!...

«За молодаго человѣка!.....»

— А это уже всего лучше.....

«Служащаго въ какой нибудь канцеляріи!.....»

— Вотъ на это я уже не согласенъ! на это послѣднее я нисколько не похожъ! вспомните, что у меня Георгій; нѣтъ, нѣтъ, отъ послѣдняго сравненія прошу уволить!

«Послушайте mon ami, я сегодня въ дурномъ нравѣ и очень расположена говорить ту правду, которая *колетъ глаза*. Хотите вы ее выслушать отъ меня?»

— Сдѣлайте милость! хоть для рѣдкости; это будетъ отдохновеніемъ отъ тѣхъ похвалъ, которыя роемъ излетаютъ

изъ устъ вашихъ и роемъ носятся вокругъ каждаго изъ вашихъ знакомыхъ.

«Ну хорошо! слушайте же, надѣюсь не будете болѣе укорять, что похвалою, какъ мечемъ, разсѣкаю каждаго на части; слушайте, да прежде положите шляпу; вы вѣчно на-готовѣ бѣжать.»

Я положила шляпу и старалась принять важный видъ, что было почти невозможно, потому что приступъ къ объясненію моей доброй и что то ненатуртку расходившейся пріятельницы казался мнѣ удивительно какъ похожъ на увѣщаніе, которое Сганарель дѣлаетъ донъ Жуану и на которое тотъ отвѣчаетъ: O le beau résonnement!.... Я боялась, чтобъ и мнѣ не пришлось того же подумать, если уже не сказать. Однако жъ я сѣла

на стулъ и приготовилась терпѣливо слушать.

«Ничто не обличаетъ въ васъ» начала говорить госпожа С****ва, «той энергіи, которая таится въ душѣ! въ видѣ вашемъ нѣтъ ничего похожаго.....»

Стукнула дверь и у меня отлегло отъ сердца! Какъ я рада была, что пришедшіе гости помѣшали продолженію этого смѣшно-торжественнаго разсказа или, лучше сказать, разбора моихъ недостатковъ. Я встала со стула, на которомъ сидѣла какъ wcęzorowanego. «Прощайте mon ami! надѣюсь глаза мои до завтра никуда не дѣнутся, и завтра они будутъ готовы на жертву вашимъ истинамъ; я прійду вечеромъ.» С****ва ухватила меня за руки. «Нѣтъ, нѣтъ! ради Бога,

не уходите! теперь все уже прошло! вѣдь я сказала вамъ, что была въ дурномъ нравѣ, а въ этомъ состояніи мы обыкновенно смотримъ на вещи неблагопріятно, и видимъ ихъ не такими, какъ они въ самомъ дѣлѣ, но такими, какъ показываются намъ сквозь тотъ мракъ, который на ту пору затемняетъ свѣтъ ума нашего.» «Все такъ! всему вѣрю! но ради̇̀ Бога дайте мнѣ свободу идти отсюда; прощайте.» «Прощайте, упрямый человѣкъ!

Сегодня послала я своего мальчика къ Гл***** спросить не надобно ли ему еще сколько нибудь экземпляровъ книги: «Кавалеристъ-Дѣвица?...» Вотъ, какъ не завидна ихъ участь! а обязательный Г—чь говорилъ, что къ новому году не останется ни одного!..... Сколько еще новыхъ годовъ пройдетъ прежде, нежели эта красная груда исчезнетъ наконецъ съ моего стола!... Правда, книгъ моихъ разошлось много, большая половина, но все это не въ томъ видѣ, въ какомъ бы должно бы-

ло. Все это пошло то въ уплату, то въ награду, то за долгъ, то за трудъ, то за ласку, то за грубость, то самъ уже Богъ знаетъ одинъ за что!.....

Я знаю пріятную новость для васъ, mon ami! говорила мнѣ госпожа С****ва; очень, очень пріятную! сказать?..... что дадите?

«Скажите даромъ; у меня ничего нѣтъ. Благодаря моей глупости, я теперь, кромѣ искренняго желанія добра моему ближнему, ничего дать не могу; а это такая монета, которая не имѣетъ никакого вѣса; и такъ говорите даромъ.»

«Хорошо. Вчера пріѣзжала ко мнѣ госпожа Т****ская, думала найти васъ у меня и велѣла мнѣ сказать вамъ, чтобъ

вы пріѣхали къ ней завтра, непремѣнно; что одна знатная дама, ей какъ то съ родни или давно знакома, не знаю хорошенько, желаетъ узнать васъ и быть вамъ полезною; что дама эта очень богата, очень добра, очень умна, очень благодѣтельна, имѣетъ необыкновенный образъ мыслей, рѣдкія качества и ко всему этому.... Ну, да гдѣ все то пересказать, что говорила объ ней Т****ская; поѣзжайте сами къ ней, какъ она просила, завтра непремѣнно. Что жъ вы такъ пасмурно слушаете мое донесеніе?... Я думала васъ обрадовать.»

— Ничего, мой добрый другъ! прощайте! сегодня мнѣ нѣкогда сидѣть у васъ, я пойду къ Е*р*а.

«Опять къ Е*р*а? да, давно ль вы у него были?»

— Недѣли двѣ назадъ; но онъ просилъ меня бывать у него часто и запросто.

«Ну такъ прощайте; поѣзжайте же завтра къ Т****ской.»

Я шла задумчиво къ дому господина Е*р*а: сколько уже знатныхъ дамъ предлагали мнѣ свое знакомство! свое не прочное, не обязательное и на одномъ любопытствѣ основанное знакомство!... Что мнѣ въ немъ?

Подошедъ къ подъѣзду дома господина Е*р*а, я позвонила. Отперли. «Дома господинъ Е*р*а?» «Дома.» Человѣкъ побѣжалъ доложить, а я между тѣмъ вошла въ залу. Чрезъ минуту пришелъ Е*р*а со шляпою въ рукѣ; онъ сдѣлалъ видъ изумленія, какъ будто приходъ

мой былъ для него нечаянностію. Видно человѣкъ не успѣлъ доложить, думала я. Однако жъ шляпа въ рукѣ была такой талисманъ, который не позволялъ мнѣ оставаться у господина Е*р*а долѣе одной минуты. Я простилась, сказавъ, что зашла къ нему па секунду узнать только куда переѣхали общіе наши знакомые, семейство Р****хъ. Опъ сказалъ мнѣ теперешнее ихъ мѣстопребываніе и мы вышли изъ дому вмѣстѣ. Мнѣ и па мысль не приходило, что шляпа въ рукѣ была одинъ только отводъ, которымъ посѣщеніе мое, какъ громовой ударъ, отведено было въ сторону! однако жъ это такъ было; я послѣ узнала, что какъ только я повернула за уголъ дома, Е*р*а воротился. Это было третее посѣщеніе.

Я не знатная дама, Александръ Андреевичъ, не могу прислать за вами кареты; знакомство со мною не польститъ вашему самолюбію, но если вы будете такъ снисходительны, что пріѣдете ко мнѣ, то я надѣюсь, что не будете раскаяваться сдѣлавъ эту честь; повѣрте, повѣрте, что я буду умѣть оцѣнить ее..... такъ говорила мнѣ молодая и прекрасная госпожа Гиз*****, пожимая руки мои и смотря въ глаза мнѣ своими до очарованія прелестными темноголубыми гла-

зами, со всѣмъ выраженіемъ искренняго дружества. — «Пожалуйте ко мнѣ завтра.» — «Извините, завтра не могу, но я пріѣду къ вамъ, какъ только буду имѣть возможность это сдѣлать. Когда можно застать васъ дома на-вѣрное?» — «Всегда; я не веду разсѣянной жизни.» — «И такъ я постараюсь быть у васъ какъ могу скорѣе.»

Черезъ недѣлю случилось мнѣ быть въ той части города, гдѣ живетъ госпожа Гиз*****. Хотя еще было довольно рано для жителей, особливо для жительницъ Петербурга, не болѣе десяти часовъ утра, однако жъ я рѣшилась зайти къ ней..... Какъ описать восторгъ, съ какимъ бросилась мнѣ на встрѣчу милая хозяйка?..... она только что встала. «Что вы лучше любите кушать поутру? чай, кофе или шеколадъ? и не дождав-

шись моего отвѣта: «подай всего Прасковья! «кричала она въ дверь дѣвичьей комнаты, «всего! слышишъ ли? и самыхъ густыхъ сливокъ, и самыхъ лучшихъ сухарей!» по больше, да чтобы завтракъ былъ готовъ! Я невольно разсмѣялась. «Вы, кажется, собираетесь кормить меня, какъ *Милона Кротонскаго*; я однако жъ не имѣю такого знаменитаго аппетита и выпью у васъ одну только чашку шеколаду, если позволите!» «Ахъ Боже мой!... если позволите?.... что за выраженіе!.... Я безъ памяти рада, что вы наконецъ у меня, и все, чтобъ не предложила вамъ, кажется мнѣ такъ мало, такъ ничтожно! а вы говорите: *если позволите!*» — «Да за чѣмъ же вы такъ буквально принимаете это слово? такъ говорится.» «Не говорите жъ со мною, какъ говорится.» Черезъ часъ я ушла, давъ слово пріѣхать на вечеръ.

Пріятно быть такимъ гостемъ, какимъ была я на этомъ вечерѣ. Въ среднемъ кругу смѣлѣе, нежели въ высокомъ; спрашивали меня то о томъ, то о другомъ, какъ будто выходца съ того свѣта; утѣшаясь новостью этихъ распросовъ, я однако жъ какъ прилично доброму товарищу, хранила тайны моихъ давнихъ друзей.

Не постигая еще роковой тайны третьяго посѣщенія, я поѣхала что-то очень скоро послѣ этого веселаго вечера, къ голубо-окой госпожѣ Гиз****. Она была одна; но вскорѣ пришелъ мужъ ея и еще одна изъ искреннихъ пріятельницъ. Восторгъ хозяйки примѣтно утихъ; она встрѣтила меня обыкновенными привѣтствіями и церемоннымъ предложеніемъ садиться. Все это было въ странной про-

тивоположности съ прежнимъ пріемомъ, а особливо съ моею теперешнею, дружественною фамиліарностію, съ которою я, такъ сказать, влетѣла въ чистую свѣтлую гостиную госпожи Гиз*****.

Видя себя въ необходимости смотрѣть на вещи нѣсколько холоднѣе, я приняла предложеніе хозяйки сѣсть и стала замѣчать оттѣнки постепеннаго измѣненія въ поступкахъ и разговорѣ обязательной госпожи Гиз*****. Она рѣшительно не находила что говорить со мной. Я тоже; потому что эта милая дама вовсе не образована; всякая матерія, если она не о хозяйствѣ или городскихъ новостяхъ, будетъ для нея курсъ Алгебры. Однако жъ она имѣла столько природнаго ума, чтобъ понять, какъ не кстати будетъ ея молчаніе..... и вотъ, начиная томить-

ся, пискливо-жалкимъ голосомъ говоритъ мужу, поминутно то подымая глаза къ верху, то есть на супруга, то опуская ихъ внизъ. «Что другъ мой, вы сегодня гдѣ кушаете?..... у вашего начальника, или у Графа С*****?» «Нѣтъ, милая, ни у того, ни у другаго», отвѣчалъ удивленный мужъ, «я обѣдаю дома; но съ чего ты взяла, что я буду у нихъ? Къ этимъ людямъ надобно быть приглашену, чтобъ обѣдать у нихъ.» «Мнѣ показалось, что ты вчера сказывалъ, будто твой начальникъ приглашалъ тебя.» «Напрасно показалось; никто не приглашалъ.» Мужъ и жена замолчали. Наконецъ хозяйка опять начала и все тѣмъ же тоненькимъ пискомъ: «Давно были, Марфа Ивановна, у Палагеи Петровны?» «Вчера» отвѣчала гостья, умная и насмѣшливая дѣвица лѣтъ двадцати; «вчера была у нея. Вы

не повѣрите, милая, какъ она сдѣлалась нестерпима! все пищитъ, нѣжится, слова не скажетъ человѣческимъ голосомъ; во все время, пока я сидѣла у нея, мнѣ казалось, что я слышу мяуканье кошки умирающей...... смѣшная женщина! При этихъ послѣднихъ словахъ злая дѣвка взглянула на меня значительно и тотчасъ обратила взоръ на хозяйку съ такою явною иронiею, что я право испугалась за нее, и потому, оставя ихъ разыгрывать свою драму втроемъ, простилась и уѣхала съ тѣмъ, чтобъ уже болѣе никогда не прiѣзжать.

Для чего вы не познакомитесь съ Генераломъ П****, Александръ Андреевичъ? спрашивала меня любезная госпожа Б****; ему это будетъ пріятно, я знаю навѣрное; право послушайтесь, жалѣть не будете. Господинъ П***** одинъ изъ тѣхъ людей, какихъ, по справедливости, надобно искать съ фонаремъ.

И кромѣ госпожи Б***** я слышала отъ многихъ другихъ о рѣдкихъ качествахъ Генерала П*****. Увѣренность, что

ему пріятно будетъ узнать меня, заставила меня послѣдовать совѣту госпожи Б***** и ѣхать къ нему.

Никѣмъ еще не была я такъ очарована какъ имъ; я нашла въ немъ то, чего еще никогда и ни въ комъ не находила: умъ свѣтлый безъ малѣйшаго пятна, съ самою плѣнительною добротою сердца, разговоръ его увлекателенъ, и я полагаю отъ той натуральности, той прекрасной простоты, которая такъ завидна, такъ неподражаема и которая справедливо можетъ назваться лучшимъ даромъ природы; это преимущество слова, какъ нельзя лучше, гармонируетъ съ его благородною наружностью и глазами полными огня, ума и чувства!.....

Чрезъ недѣлю пріѣхала я опять къ Генералу И***** вечеромъ уже. У него

было много гостей; онъ встрѣтилъ меня очень вѣжливо и благодарилъ за честь, которую я дѣлаю его вечеру своимъ пріѣздомъ. Съ начала и до конца вниманіе любезнаго хозяина было постоянно; онъ сказывалъ мнѣ имена своихъ гостей, которые были значительнѣе прочихъ, со многими познакомилъ меня и я не видала, какъ наступилъ двѣнадцатый часъ, — пора, до которой я, не играя и не танцуя, не знала бъ какъ досидѣть, если бъ обязательное обращеніе хозяина, не сдѣлало для меня этого времени одною минутою.

Я уже никакъ не думала, что и въ господинѣ П***** найду перемѣну при третьемъ посѣщеніи! Скорѣе повѣрила бъ разрушенію міра, нежели возможности такого случая; одна мысль объ этой возможности опечалила бъ меня. И такъ

съ полною увѣренностію въ одинакомъ расположеніи ко мнѣ господина П*****, въ его неизмѣнной ласковости, вниманіи, вѣжливости, простотѣ, любезности, поѣхала я опять къ нему на вечеръ. Видно на этотъ разъ я пріѣхала довольно поздно, потому что почти всѣ уже гости сидѣли за картами. Хозяина я отыскала въ другой комнатѣ разговаривающаго съ тѣми изъ гостей, которые еще не играли; на поклонъ мой, онъ отвѣчалъ поклономъ..... и только!..... Нѣтъ разговора, нѣтъ вниманія, нѣтъ обязательной услужливости!.... онъ весь преданъ этимъ старикамъ, съ которыми сидитъ теперь!.... Подожду, можетъ быть онъ подойдетъ ко мнѣ, какъ усадитъ ихъ за карты; но впрочемъ для чего бъ ему не познакомить меня съ этими господами?..... я могла бъ взять участіе въ ихъ разговорѣ;

вѣрно они говорятъ не о такой высокой матеріи, что я не могла бы уже и выразумѣть ихъ.

Наконецъ старые дипломаты усѣлись за вистъ. Хозяинъ свободенъ!..... онъ идетъ мимо дивана, на которомъ я сижу одна, проходитъ его, не оборотя ко мнѣ головы, не взглянувъ на меня!... Я оставалась еще съ полчаса въ этомъ собраніи, и, къ величайшему изумленію моему, во все это время взоръ хозяина ни на секунду не обратился ко мнѣ: все равно, если бъ я и не была тутъ. Я уѣхала!..... но не съ тѣмъ ощущеніемъ въ душѣ, съ какимъ уѣзжала отъ вѣтреной госпожи Н. Н****, предпочитавшей мнѣ своихъ иностранцевъ, не съ тѣмъ, съ какимъ разсталась съ тонкимъ политикомъ Е*р*а, поставившимъ шляпу свою

шитомъ противъ меня; однимъ словомъ прежнія несообразности въ пріемѣ и обращеніи удивляли меня, иногда смѣшили, но нисколько уже не опечаливали; я оставляла знакомства этихъ людей, никогда не возвращаясь къ нимъ мыслію!..... теперь я была опечалена, въ настоящемъ смыслѣ этого слова! я рѣшилась не ѣздить болѣе къ господину П*****, но никогда не могла забыть его перваго и втораго радушнаго пріема и никогда не могла утѣшиться о потерѣ, какъ замѣтно, его добраго мнѣнія въ третій!..... Ахъ, люди, люди!..... какъ несчастна природа ваша!..... всегда злое начало найдетъ сокровенный путь испортить доброе!...... третіе посѣщеніе господину П***** покрыло облакомъ грусти остальное время и дѣйствія мои въ столицѣ; я уже очень равнодушно слу-

шала о желаніи познакомиться со мною; не замѣчала, не радовалась, какъ бы ни былъ лестенъ пріемъ съ начала, и ни сколько не дорожила, если надобно было раззнакомиться.

Ученый господинъ Р*****, въ отношеніи ко мнѣ прошелъ ту же дорогу, какъ и другіе! также два раза была я любимымъ, замѣчательнымъ гостемъ, а въ третій могла бъ заснуть отъ скуки, если бъ тотчасъ не ушла.

Много было и еще лестныхъ предложеній, восторженныхъ увѣреній, блистательныхъ пріемовъ, но все не иначе какъ для двухъ первыхъ посѣщеній; для третьяго насмѣшливый случай или враждебная судьба подготовливали мнѣ: или спазматическую зѣвоту хозяйки, или ино-

страница, котораго надобно было носить на рукахъ, или старую важную даму, или наконецъ провинціальную родственницу, которая чтобъ показать, что и она смыслитъ кое-что въ обычаяхъ столицы, принимаетъ на себя глупо-важный видъ, молчитъ, какъ будто потерявшая на тотъ разъ употребленіе языка и слѣдитъ меня глазами съ явнымъ выраженіемъ недоброжелательства и насмѣшки!..... жалкія существа!

«Зайдите ко мнѣ, Александръ Андреевичъ; сказалъ мнѣ баронъ К*****, встрѣтясь со мною близъ Казанскаго Собора; семья моя вся въ городѣ; я вотъ только на минуту зайду въ магазинъ Смирдина и сей часъ буду дома; пожалуста зайдите; къ намъ пріѣхали гости.» Это было въ третій разъ.

Ободренная воспоминаніемъ ласки, дружбы, вѣжливости, оказанныхъ мнѣ пріятнымъ семействомъ барона К***** въ

первые два посѣщенія, я вошла къ нимъ очень свободно и весело; что было бы чрезвычайно хорошо, если бъ это не было посѣщеніе третіе; но при этомъ роковомъ числѣ, увѣренность моя въ себѣ, сдѣлалась очень неумѣстна и смѣшна: на мою свободную поступь и поклонъ, баронесса отвѣчала, едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы и холоднымъ «здравствуйте!» Не получая ни отъ кого приглашенія сѣсть, я сдѣлала бъ это и безъ просьбы, потому что нельзя же мнѣ было уйти въ туже секунду, а стоять какъ часовому, тоже не приводилось какъ-то; но напрасно взоръ мой пробѣгалъ комнату, чтобъ найти свободный стулъ; всѣ были заняты дамами, на одномъ только сидѣлъ мущина, молодой и военный; я увѣрена что въ первое и второе посѣщеніе, онъ вѣжливо предложилъ бы мнѣ

свое мѣсто; но какъ это было заколдованное третіе, то онъ и не пошевелился: я была въ затруднительномъ положеніи; наконецъ старшая дочь баронессы, встала съ своего мѣста, прося меня занять его и перешла къ группѣ дѣвицъ, сидѣвшихъ у окна; я сѣла близъ хозяйки; противъ меня сидѣла какая-то дама, которой я прежде не видала у нихъ; на лицѣ ея четко выражалось, что она изъ провинціи; она смотрѣла на меня, какъ говоритъ простой народъ: «*дзызомъ*»! дерзкая насмѣшка дышала во всѣхъ незначительныхъ чертахъ ея, впрочемъ довольно недурнаго лица.

Я была уже оскорблена унизительнымъ пріемомъ и холодностію баронессы; полагая справедливо, что если бъ хозяйка приняла вѣжливѣе; то и гости ея были бъ

*

разсудительнѣе, недальній молодой человѣкъ отдалъ бы мнѣ свой стулъ; ея смѣшная провинціальная родня, не искажала бъ черты свои, стараясь принять какой-то видъ, которому и сама не знаетъ, какое дать названіе или опредѣленіе. Сердце мое полно было досады и я рѣшилась проучить хоть эту залетѣвшую издалека. Если у нея есть, думала я, хоть искра общаго смысла, такъ она пойметъ меня.

Съ этою благонамѣренною цѣлью, не обращая ужо никакого вниманія на непритворную грубость милой хозяйки, начала я разсказывать, какой случай далъ мнѣ понятіе о томъ, до какой степени женщины худо знаютъ свои выгоды, принимая насмѣшливый видъ, который портитъ лице хорошее и дѣлаетъ отвратительнымъ посредственное.

Въ первый годъ моей отставки, начала я говорить, оборотясь къ баронессѣ, жилъ я здѣсь, въ Петербургѣ и былъ очень хорошо принятъ въ домѣ Князя Д***** и пріѣзжалъ къ нему почти всякой день; какъ обращеніе Князя было всегда одинаково съ его знакомыми, то его всѣ любили и кругъ его былъ очень обширенъ; между короткими знакомыми была одна дама, Княгиня Х**** молодая женщина, наружности, какъ мнѣ казалось, обыкновенной, холодной и которой главнымъ выраженіемъ была самая противная насмѣшливость; я не терпѣлъ эту женщину и именно потому, что всякой разъ какъ глаза ея встрѣчались съ моими, я читалъ въ нихъ злобу и насмѣшку! съ полгода былъ я вседневнымъ гостемъ Князя Д*****, и во все полгода думалъ, что Княгиня Х*****

дурна лицемъ, такую сатанинскую мину давало ей насмѣшливое расположеніе ума ея; но въ одинъ день, у Князя было что-то много гостей, случилось такъ, что насъ большая толпа, сошлась у камина; въ эту минуту входитъ Княгиня X*****; она подходитъ къ нашей группѣ; смотритъ на меня, кланяется и къ изумленію моему я вижу, что она какъ ангелъ хороша!.... физіономія ея сдѣлалась плѣнительна, кротка, добродушна, ласкова и со всѣми этими чарами, кланяется мнѣ!.... что это значитъ? она никогда мнѣ не кланялась прежде!..... послѣ это объяснилось: она не узнала меня; я показался ей кѣмъ-то изъ ея знакомыхъ, но отъ той поры я уже зналъ что Княгиня X**** хороша собой и что одна только насмѣшливая мина, съ которою она смотритъ на меня, на одно-

го только меня, дѣлаетъ ее похожею на молодую мегеру.

Окончa свой разсказъ, я устремила глаза на провинціалку, съ тою силою воли, о которой такъ много толкуютъ въ магнетизмѣ, и имѣла удовольствіе видѣть, что она не выдержала моего взгляда и что насмѣшливая мина сбѣжала долой съ лица ея. Довольная успѣхомъ своего мщенія, я простилась съ баронессою съ тѣмъ, чтобъ не только не быть у нея никогда болѣе, но и не смотрѣть на домъ ея, если бъ случилось проходить мимо.

Съ вами очень желаетъ познакомиться Т****, сказала мнѣ Княгиня Ю****; поѣзжайте къ ней, это очень милая дама.» — «Я кажется знаю ее, Княгиня; она вѣдь дочь К******?» «Да!» «Я часто видалъ ее въ домѣ ея матери.» «Ну такъ чего жъ лучше? возобновите старое знакомство, поѣзжайте къ ней завтра же; она живетъ:..... Княгиня сказала мнѣ гдѣ найти госпожу Т****; и была увѣрена, что я непремѣнно поѣду къ ней; но я имѣю причину думать, что это ста-

рое знакомство будетъ ничѣмъ не лучше новыхъ: пятнадцать лѣтъ тому назадъ, я была довольно часто у старой К**** ея матери, которая въ одинъ день заставила меня идти отъ нея пѣшкомъ, въ проливной дождь; тогда какъ у нея всѣхъ родовъ экипажей, были полные каретники!..... хоть бы уже имѣла совѣсть притвориться, что не видитъ дождя; а то еще спросила: «Какъ же вы пойдете въ такой дождь?»

Противъ холода, какимъ навѣвало отъ меня, въ третье посѣщеніе, на сердце, умъ и способности моихъ знакомыхъ, устояли только трое: госпожа Б*****ва любезная и умная женщина, всегда и со всякимъ одинаково вѣжливая, расположенная дѣлать добро сколько отъ нея зависитъ: хоть она и позволяла себѣ, иногда посмѣяться въ своемъ кругу надъ чьею нибудь странностію, и смѣялась всегда очень остро, умно и — не обидно, но эту веселость я никогда не причитаю

въ порокъ дамѣ умной; почему не позволить себѣ остраго слова или описанія, веселящаго друзей нашихъ и не оскорбляющаго никого?

Привѣтливый К***Д***въ былъ второй, который остался одинаковъ со мною во всѣ посѣщенія и наконецъ превосходнѣйшая женщина по уму и сердцу, Княгиня Ю****. Съ этою рѣдкою дамою, не было третьяго посѣщенія, напротивъ всѣ они были первыя!.... ни на минуту не измѣнялась ея доброта и вѣжливость; она не имѣла нужды искать что говорить со мною; разговоръ ея всегда былъ обязателенъ, живъ, исполненъ ума и остроты.

Я ограничила свой кругъ знакомства этими тремя домами; бывала довольно

часто, въ двухъ первыхъ, и очень часто въ послѣднемъ.

Между тѣмъ случалось иногда не остеречься, и забывшись попасть опять на третье посѣщеніе.

А, здравствуйте!..... не хотите ли съ нами завтракать?.... Эмма! подвинься.... Садитесь вотъ тутъ... вотъ между нами!

Мнѣ подаютъ приборъ; добродушно подчуютъ всѣмъ, что есть на столѣ; я ѣмъ!... Начало хорошо! могла бъ я сказать какъ: *Гиппельдонцъ въ Эпиграммѣ:* и стала уже думать: какіе рѣдкіе, превосходные люди Н. Н.!..... какъ мила и обязательна простота ихъ обращенія и какъ она прилична ихъ знатному роду!

Въ самомъ дѣлѣ я всегда думала что эта не подражаемая: «belle simplicité.» Неотъемлемая принадлежность истинно образованныхъ людей, должна исключительно отличать знатныхъ людей отъ тѣхъ жалкихъ parvenus, которые не знаютъ уже какъ манериться, чтобъ дать себя замѣтить.

Пока я думала, говорила и ѣла, завтракъ приходилъ къ концу; но вотъ и еще посѣтитель: наружность его показывала что-то похожее на родъ домашняго друга, исполняющаго разныя порученія.

А, здравствуйте!.... не хотите ли завтракать съ нами? садитесь вотъ тутъ! Эмма отодвинься.... «Не угодно ли занять мое мѣсто, сказала миссъ Эмма, вста-

вая. Пришедшій сѣлъ молча и принялся кушать. — Фамиліарность, съ которою приняли ново-пришедшаго, заставила меня посмотрѣть на него внимательно.

Ничто въ немъ не оправдывало дружественной короткости съ нимъ людей знатныхъ и богатыхъ; пріемы его показывали добраго, простаго человѣка; чиновника какого нибудь суднаго мѣста; онъ молчаливо ѣлъ все ему предложенное и въ полголоса отвѣчалъ на вопросы, которые дѣлались ему изрѣдка, то гувернанткою, то ребенкомъ лѣтъ шести; говоря съ послѣднимъ онъ не смѣлъ и подумать сказать иначе какъ: вы!..... вамъ!..... гдѣ изволили быть?

Сообразя все это, я сдѣлала заключеніе, что это существо ума ограничен-

наго, не образованное, простое; въ высокомъ кругу появляющееся, какъ вьючное животное, чтобъ взять на себя кипу разнаго рода порученій, или сложить принесенную и опять отправиться въ свой пріютъ. И такъ восклицаніе: а здравствуйте! здравствуйте! которымъ встрѣтили меня и его, и ласковый, веселый видъ, не были знаками дружескаго расположенія, ни даже знаками уваженія; это была та короткость, которою вовсе нечего гордиться.

Пока я, думая это, старалась поскорѣе съѣсть порцію, положенную мнѣ миссъ Эммою, чтобъ встать изъ застола въ одно время съ другими, зала опустѣла въ двѣ секунды: все ушло и все куда то нырнуло, не обратя ни малѣйшаго вниманія на то, что я, нѣкогда столь же-

ланный гость, пришедшій теперь на бѣду свою, въ третій разъ; остаюсь въ лестной компаніи лакеевъ, собирающихъ со стола!... испугавшись такого нежданаго превращенія, изъ уважаемаго гостя, въ мелкую тварь, которую можно оставить безъ церемоніи, entouré de canailles, я бросила все и убѣжала.

«Что жъ Александръ Андреевичь, когда я дождусь вашего посѣщенія?... вы обѣщали быть у меня; тому уже мѣсяцъ.»

— Я и былъ у васъ.

«Да, но я тогда не была дома.»

— Однако жъ я пріѣзжалъ именно въ то время дня, которое вы назначили.

«Такъ; но что жъ дѣлать; за мной заѣхали.»

— Вы могли сказать заѣхавшимъ, что ожидаете меня.

«Я надѣялась, что вы извините меня и пожалуете въ другое время.»

— А если въ это другое время, опять кто нибудь заѣдетъ за вами?

«Неужели это всегда будетъ случаться!.... вотъ и вчера, я цѣлый день была дома, у меня болѣла голова; что вы не пріѣхали?.....»

Я вышла изъ терпѣнія и отошла отъ несносной женщины!.... и всѣ эти глупости, всѣ эти приглашенія, исполненныя невѣжливости! все это послѣдствіе проклятыхъ третьихъ посѣщеній!

После всякаго третьяго посѣщенія, я бываю очень похожа на того устарѣвшаго льва, котораго приходитъ бить оселъ.... Всѣ тѣ, которые въ пылу перваго, и пріятной теплотѣ втораго визита, оставались незамѣченными мною; въ третій убивали меня своими разговорами, нелѣпыми вопросами, непріятнымъ и смѣшнымъ вниманіемъ и все это съ самымъ лучшимъ намѣреніемъ занять меня, потому что обязательные хозяева, расточавшіе мнѣ ласки свои въ первые

два посѣщенія, въ третье совсѣмъ и не видали уже меня.

«Куда жъ вы уходите! ужинайте здѣсь.» «Вы всѣ ѣдете на балъ, съ кѣмъ же я останусь?» «Дома остается гувернеръ, гувернантка и леночка *.» Это сказали мнѣ въ томъ домѣ, въ которомъ въ первое посѣщеніе подводили каждаго гостя и гостью, позначительнѣе другихъ, знакомиться со мною.

---

* Дитя трехъ лѣтъ.

Я право боюсь помѣшаться въ умѣ отъ этихъ третьихъ посѣщеній!... какая причина такому измѣненію?... почему все, что я говорю въ первое посѣщеніе, подаетъ имъ выгодное мнѣніе объ умѣ моемъ?... почему такъ много разговариваютъ, такъ много ласкаютъ, такъ много знакомятъ со мною во второе посѣщеніе?... почему все это исчезаетъ невозвратно въ третье?....

«Ахъ Боже мой! ни двухъ минутъ не могу я!...» «мнѣ надобно одна,» такъ

встрѣтилъ меня генералъ Н. Н*** И такъ отвѣчала я, не показавъ вида того, что почувствовала при этомъ предувѣдомленіи, такъ неумѣстномъ и такъ мало сообразномъ съ его обыкновенною вѣжливостью! Я въ самомъ дѣлѣ пробыла у него одну минуту и ушла.

Нравъ мой начинаетъ портиться отъ всего, что я испытываю здѣсь!..... мнѣ пришлось узнать очень не во-время, что для корыстолюбія и эгоизма людей, нѣтъ ничего святаго.

Я продала книги свои за самую умѣренную цѣну, но и той была рада, какъ золотому руднику и тою была обязана безкорыстію С*****на; потому что я отдала бъ и еще дешевле: я боялась, чтобъ мнѣ не пришлось топить каминъ моими записками,

Разочарованная совершенно, я платила всѣмъ тою жъ самою холодностію и невниманіемъ, какое испытала сама.

Наконецъ и клевета сдѣлала мнѣ честь, устремила свое жало противъ меня!..... въ добрый часъ! это въ порядкѣ вещей. Добрая пріятельница моя, госпожа С***ва, разсказывала мнѣ, что въ какомъ-то большомъ собраніи говорили о моихъ запискахъ и Пушкинъ защищалъ меня.— «Защищалъ! стало быть противъ меня были обвиненія?»

О, да еще какія! «Не знаете ли кто именно, мужчина или женщина?» «Не

знаю, mon ami!.... да что жъ вы стали такъ невеселы?.... неужели имѣете малодушіе считать за что нибудь важное вранье ничтожныхъ завистниковъ? Э, mon ami, платите имъ тою же монетою, какою платитъ имъ и публика; повѣрьте, что хотя свѣтъ и слушаетъ клеветника; подъ часъ и вѣритъ ему; но презираетъ его какъ существо низкое и вмѣстѣ безсильное!»

«Не совсѣмъ безсильное! я теперь угадываю и начинаю чувствовать по всему, что есть какая то гадина, которая пресмыкается по слѣдамъ моимъ и подсѣкаетъ основу моего счастія.»

Ха, ха, ха,..... какъ трагически!..... много чести, mon ami, для всякаго глупца, чтобъ онъ могъ имѣть силу, подсѣчь

основу вашего счастія!.... имѣйте сколько нибудь довѣрія къ здравому смыслу общества и также къ могуществу истины; оставте безъ вниманія вздоръ, который какъ болотное испареніе, или разнесется вѣтромъ, или опять уляжется въ ту грязь, изъ которой поднялся.

Вы хорошо говорите, мой добрый другъ, и очень справедливо; я это чувствую, но все лучше было бы, еслибъ вы не сказывали мнѣ о разговорѣ въ обществѣ Княгини Б****й.

«Вы странный человѣкъ, Александровъ! почему хотите вы быть исключены изъ общей участи людей? а особливо тѣхъ, которые чѣмъ нибудь привлекаютъ къ себѣ вниманіе публики; она дѣйствуетъ въ отношеніи къ вамъ, также какъ дѣй-

ствовала, вѣки тому назадъ, въ отношеніи ко всему удостоившемуся ея цензуры: добрые хвалятъ; злые порицаютъ; благородные дивятся, восхищаются, подлые чернятъ, клевещутъ; умные разбираютъ, оцѣниваютъ; глупые кричатъ во весь голосъ: «все дурно!» такъ возможно ли давать какую нибудь цѣну тому, что не стоитъ ничего?..... я уже вамъ сказала: клеветника слушаютъ; вѣрятъ ему, до времени; но въ душѣ презираютъ его! дайте время пройти этой черной полосѣ; небо прояснится и клеветники останутся тѣмъ, что они были, есть и будутъ: презрѣнными лжецами; хотя бъ они имѣли всю хитрость хромоногаго лесажева бѣса. «А вы читали его?»

Читала и отъ души хохотала надъ нѣкоторыми пассажами.»

— Прощайте, мой другъ.

«Куда жъ вы, куда!.... вы настоящій дикарь стали!.... ну куда вы бѣжите!»

— Домой.

«Что дѣлать?»

— Писать.

«Право!.... и вы имѣете столько смѣлости?.... а Цензура!.... а клевета!..... а критика!..... а насмѣшка!..... какъ у васъ достанетъ духа стать противъ всего этого?....»

— Это вѣдь не записки..... Это исторія несчастной Елены, о которой я какъ то вамъ разсказывалъ.

«А помню, помню! я же вѣдь и посовѣтовала вамъ описать ее!»

— Да, и такъ я надѣюсь что брошюрка эта не будетъ замѣчена злыми умами;

а впрочемъ если бъ и была; если бъ и сказали, что это *вымыселъ*, такъ еще тутъ нѣтъ большой бѣды.

Да нѣтъ ее и ни въ чемъ, mon ami, повѣрьте же мнѣ ради Бога!... какъ вы хотите, чтобъ всѣ люди одинаково мыслили, одинаково смотрѣли на вещи!.... возможно ли это?.... право я уже устала доказывать вамъ, что болтовня на вашъ счетъ, не стоитъ минутной досады, не только этого пасмурнаго вида, съ какимъ вы болѣе получаса гладите перчаткою свою шляпу и смотрите на нее не сводя глазъ!.... à propos! мои совѣты бывали иногда и хороши и полезны; хотите ли сдѣлать какъ я скажу? «увижу, скажите.» — Вотъ что: или бросьте подъ столъ все вранье, которое позволяютъ себѣ какіе нибудь въ *черни-*

лахъ воздоенные; или поступите à la отчаянный уланъ!.... то есть....» Госпожа С****ва сдѣлала движеніе рукою, которое заставило меня разсмѣяться: «поправитъ ли этотъ поступокъ зло, мнѣ сдѣланное?.... это было бы только наказаніе клеветы, но не уничтоженіе ея.»

«Ну вотъ видите! такъ не вышло ль на мое, что надобно дать волю врать, что угодно; и вѣрить, кому и чему угодно?.... платите презрѣніемъ, mon ami, платите презрѣніемъ!.... платите совершеннымъ невниманіемъ!.... Ахъ, для чего я не на вашемъ мѣстѣ!.... для чего я, не вы! никогда низкая клевета не достала бъ меня на той высотѣ, на которой я держалась бы собственнымъ мнѣніемъ о подвигѣ, хвалимомъ нѣкогда людьми, противъ которыхъ, порицатели

вашп *меньше собаки*, какъ говорятъ Персіяне.

Оконча утѣшительную проповѣдь свою, госпожа С****ва, вырвала у меня изъ рукъ шляпу, сказавъ что рѣшительно не пуститъ меня домой; «я ожидаю этого вечера, одного стараго ветерана, отставнаго гусара; вы должны его видѣть и съ нимъ познакомиться.

По нѣсколько разъ въ день вынимаю я перстень, пожалованный мнѣ Государынею и разсматриваю его; какъ онъ хорошъ!.... какой блескъ отъ этихъ брилліантовъ!.... какъ бы я желала подарить его сестрѣ! нельзя однако жъ, надобно продать; денегъ у меня мало; а кто знаетъ, что мнѣ дадутъ за мою Елену?.... и дадутъ ли еще?....

Со всѣхъ сторонъ пишутъ, прося прислать имъ денегъ; забавное требованіе!

денегъ!.... отъ меня!.... а я вотъ сію минуту иду въ *Кабинетъ* просить, чтобъ купили у меня мой перстень.

День былъ солнечный и я всю дорогу любовалась блескомъ драгоцѣнной вещи, на которую смотрѣла въ послѣдній разъ.

Перстень мой купленъ, деньги я получила и отослала, написавъ ко всѣмъ письма одного содержанія: *вы почитаете меня Крезомъ а я боюсь сдѣлаться Иромъ.*

Княгиня Т****В**** досаждаетъ мнѣ своимъ сужденіемъ такъ сильно, что я ухожу отъ нея съ какимъ то неопредѣленнымъ желаніемъ, не такъ часто появляться на глаза ея; впрочемъ это движеніе сердца минутное; Княгиня эту

рѣшимость своихъ сентенцій выкупаетъ превосходнымъ сердцемъ; еще болѣе превосходнымъ умомъ и обращеніемъ, какъ нельзя болѣе обязательнымъ; прежде нежели я дойду домой, чувства мои опять становятся такими, какъ были; опять я люблю Княгиню всею душею.

Сегодня я была однако жъ опечалена словами ея; правду говорятъ, что не надобно никогда распространяться о своихъ невзгодахъ; я забыла это благоразумное правило и что-то слишкомъ разговорилась о всѣхъ неудачахъ и ошибочныхъ мнѣніяхъ своихъ, о неумѣстномъ довѣріи, о большой потерѣ; однимъ словомъ, я кажется вывела изъ терпѣнія, добрую Княгиню и она отвѣчала на всѣ мои элегіи, что она, какъ ей кажется, нашлась бы въ каждомъ обстоятельствѣ

жизни! умѣла бы сообразиться съ участью, какую назначило бъ ей Провидѣніе, и никогда не позволила бъ року угнѣтать себя, потому что никакое бѣдствіе не считала бы бѣдствіемъ *невыносимымъ*. Я противоставила бы всему злому оплотомъ твердость души! говоритъ она мнѣ и я думаю иногда, что она права, что я слишкомъ уже близко къ сердцу принимаю всякой вздоръ; а иногда кажется мнѣ, что ея сіятельство, болѣе моего досадовала бы, если бъ такъ во многомъ обманулась и увидѣла бъ невозвратно испорченнымъ лучшее дѣло свое; если бъ ее такъ преслѣдовали глупыми выдумками и наконецъ, если бъ она испытала, какъ я, сладость третьяго посѣщенія!... врядъ ли философія ея устояла бъ противъ всего этого.

Иногда она противорѣчитъ сама себѣ, и это я думаю бываетъ тогда, когда она увлекается сожалѣніемъ, что дѣло обѣщавшее такъ много, кончилось ничѣмъ. Вчера она говорила мнѣ: какъ же вы такъ худо распорядились вашими записками, что онѣ принесли вамъ выгоду *смѣшную*! иначе нельзя назвать всего того, что вы за нихъ получили; а вонъ посмотрите что доставилъ романъ **** ** ******, господину З***; онъ купилъ себѣ деревню подъ Москвой; почему же вы такъ не сдѣлали? книга ваша интересовала всѣхъ, для чего вы такъ худо дѣйствовали?

Потому, Княгиня, отвѣчала я, что у меня не было главнаго: опытности, извѣстности въ свѣтѣ господина З***; у меня не было той толпы друзей и добро-

желателей, которыхъ пріобрѣлъ себѣ господинъ З***, за-долго еще до сочиненія своего прекраснаго романа; вообще нѣтъ никакого сравненія между мною и З****; это литераторъ, котораго заманчивое перо давно извѣстно публикѣ, а я что?... — человѣкъ безъ опытности именно въ томъ дѣлѣ, за которое взялся; безъ друзей и знакомыхъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ дѣйствовать, и сверхъ того съ смѣшною довѣрчивостію, съ смѣшною увѣренностію, съ смѣшною недовѣрчивостію, съ смѣшными опасеніями! и все это не въ-попадъ! все это не тамъ, гдѣ должно!

Вотъ еще третье посѣщеніе!.... долго ли это будетъ?.... нѣтъ, нѣтъ! даю себѣ честное слово, нигдѣ не быть въ третій разъ!..... тутъ дѣйствуетъ какое то очарованіе.

Старая генеральша Щ*****, недавно пріѣхавшая изъ провинціи; на бѣду мою какъ то услыхала обо мнѣ: «Ахъ, познакомте пожалуста!... это очень любопытно!.... какая диковинка!.... пожалуста!... пожалуста!.... поѣзжай милой, ты

вѣдь знакомъ съ нею, скажи, что твоя бабушка, Генеральша Щ***** желала бъ имѣть удовольствіе видѣть особу столько замѣчательную по своему... по своему... ну тамъ уже скажи, какъ знаешъ, только привези мнѣ ее.»

Такъ говорила великолѣпная Генеральша Щ*****, своему внуку, очень любезному, молодому человѣку, съ которымъ я была знакома и иногда разговаривала съ нимъ на вечерахъ у господина П****.

Молодой человѣкъ пріѣхалъ ко мнѣ: бабушка моя Щ***** проситъ васъ сдѣлать ей честь, пожаловать къ ней откушать; не откажите ей въ этомъ угожденіи, по лѣтамъ она имѣетъ на него право! она въ такомъ восхищеніи отъ вашихъ записокъ и вчера еще читала ихъ

въ другой разъ.... Мы смѣялись потихоньку видя, что она задумчиво качаетъ головой и говоритъ про себя: «бѣдный Алкидъ!»

Зачѣмъ же вы смѣялись? развѣ можно смѣяться надъ бабушкою?.....

«Что дѣлать! удѣлъ молодости вѣтренность!..... и такъ позволите прислать завтра карету за вами?»

— Очень хорошо! мнѣ пріятно будетъ узнать даму, которая жалѣетъ моего незабвеннаго Алкида.

Знакомство это началось и кончилось также, какъ и прежніе! тоже вниманіе, участіе, вѣжливость, радушіе, въ два первые визита и таже сухость, холодность и даже грубость въ третій и послѣдній; впрочемъ старая провинціалка превзошла всѣхъ; она въ продолженіе

моего несчастнаго третьяго посѣщенія, зѣвала, потягивалась, читала книгу; мурлыкала какую-то пѣсню; призвала управителя, распрашивала его о закупкѣ съѣстныхъ припасовъ; о здоровьи лошадей и отдавала какія-то приказанія на счетъ мамки, няньки, Ваньки, Таньки и еще какихъ-то людей или животныхъ, Богъ ее знаетъ.

Я все сидѣла; я была уже знакома съ превращеніями изъ почетнаго гостя въ *нѣчто меньше собаки*, и грубость, глупость, невѣжество, нисколько не оскорбляли меня, я не ставила ихъ ни во что.

Продѣлки старой дамы, казались мнѣ такъ забавны, что я рѣшилась полюбоваться ими, четверть часа лишнюю; наконецъ почтенная Генеральша казалось совсѣмъ забыла, что я сижу въ ея ком-

нать; я было подумала, что это и въ самомъ дѣлѣ такъ; но неловкая провинціалка не умѣла сыграть своей роли какъ должно и дала мнѣ замѣтить, что она хотѣла представить знатную даму, не замѣчающую присутствія мѣлкаго посѣтителя: она притворилась читающею очень внимательно свою книгу... Смѣшная женщина!.... позабавившись этимъ зрѣлищемъ, я подошла къ ней; примѣтно было, что она ожидала этого, потому что я не успѣла еще сказать ей, вѣжливо кланяясь: простите.... какъ она уже отвѣчала, не отводя глазъ отъ книги и не пошевеля даже головою: простите... приходите..... рѣчь осталась не конченною; Ея Превосходительство снова углубилась въ свою книгу, я ушла.

Годъ прошелъ!.... наступилъ другой; я давно уже ограничила знакомство мое

тремя домами и не принимаю ни чьихъ приглашенiй: отобѣдать!.... на вечеръ! и на всѣ намеки: Ахъ, какъ желаетъ видѣть васъ такая-то!.... меня спрашиваютъ, гдѣ вы чаще бываете?... что вы не познакомитесь съ такою-то? она очень интересуется вами! и еще много похожихъ на эти восклицанiя и вопросы слышу я у моихъ знакомыхъ, и всегда отвѣчаю на нихъ одно и тоже: «благодарю!.... не могу!» бываютъ и рѣшительные приступы; послѣ словъ: благодарю!.... не могу, настоятельное требованiе. Поѣзжайте, поѣзжайте непремѣнно! я за васъ дала слово, что вы будете къ нимъ.... и говорятъ день когда именно; холодный поклонъ и молчанiе служатъ отвѣтомъ и подтвержденiемъ первыхъ словъ.

Думая и передумывая о всѣхъ странностяхъ, какихъ я была предметомъ и свидѣтельницею, въ столь многихъ домахъ; кажется мнѣ, что я наконецъ разгадала тайну!... какъ жаль, что разгадала ее поздно!... какъ жаль, что дошла до этого опытомъ, а не разсудкомъ!..... жалкое ослѣпленіе! смѣшное легковѣріе!.....

Теперь я слушала бы все, то что мнѣ было говорено въ первый разъ, точно

такъ, какъ какія нибудь форменныя фразы, введенныя обычаемъ; но не имѣющія никакого опредѣленнаго смысла и которымъ вѣрить, было столько же глупо, какъ если бъ кто повѣрилъ подписи: «*вашъ покорнѣйшій слуга?*» и принялъ бы ее въ буквальномъ смыслѣ.

Если бъ я потрудилась обдумать, на что именно имѣю я право въ обществѣ, то увидѣла бъ ясно, что имѣю его на одно только любопытство.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ первое свиданіе точно всякой хорошо расположенъ ко мнѣ и точно желаетъ быть знакомъ, потому что я, какъ и все, вышедшее изъ обыкновеннаго порядка вещей, возбуждаю какое-то участіе, желаніе узнать лучше; сблизиться, разгадать и наконецъ показать свою находку друзьямъ, род-

нымъ, знакомымъ; отъ этого послѣдня-го обстоятельства, происходятъ тѣ прозьбы продолжать знакомство, тѣ увѣренія въ искреннемъ расположеніи, тѣ приглашенія на обѣдъ, на вечеръ, запросто когда; но какъ достигнуть цѣли позабавить друзей своихъ зрѣлищемъ существа, перешагнувшаго за черту обыкновенности, тогда начнутся толки и разсказы: «мы вчера обѣдали у Княгини Н. Н.*** она приглашала нарочно чтобъ посмотрѣть...» и называютъ меня. — «Въ самомъ дѣлѣ!.... такъ вы видѣли?.... ну что, какова она собой?..... хороша?» — нѣтъ. «Воспитана?» — нѣтъ. «Можетъ быть очень умна?» — нѣтъ.... А между тѣмъ я, о которой такъ распрашиваютъ и на которую сыплются всѣ возможные: «нѣтъ» являюсь къ Княгинѣ Н. Н. въ *третій разъ!*

Тутъ и клевета, которая отъ яркаго свѣта двухъ первыхъ посѣщеній, пряталась подъ порогомъ; послѣ третьяго смѣло подымаетъ свою голову, показываетъ желтое лице, мутные глаза, и потихоньку, прихрамывая, начинаетъ ходить изъ угла въ уголъ, отъ одной группы къ другой, и пятнать своимъ ядомъ, что и какъ можетъ.

Въ первое и второе посѣщеніе, ей никто бы не повѣрилъ; послѣ третьяго вѣрятъ всѣ безъ исключенія?.... послѣ третьяго я никому ни начто не надобна и всѣ рѣшительно охладѣваютъ ко мнѣ, совершенно и навсегда!

И этому та́къ должно быть!... этому нельзя иначе быть! напримѣръ: имѣю ль я для всѣхъ все, что нужно имѣть, чтобъ

привлечь ихъ постоянное вниманіе, уваженіе, дружбу?.... всегда ли могу я быть пріятнымъ гостемъ?.... что есть во мнѣ такого, чтобы занимало, веселило, радовало, удивляло. Ничего, совершенно ничего!.....

Госпожа Н. Н., превосходная музыкантша и пѣвица, могла ль сказать со мною хоть одно слово о своихъ любимыхъ занятіяхъ, дающихъ ей такую большую цѣну въ свѣтѣ?..... нѣтъ, разумѣется! потому что я ни о томъ, ни о другомъ не имѣю понятія.

Всему есть свое мѣсто, своя цѣна, свое время, свой условный порядокъ. Чтобъ быть предметомъ постояннаго участія, ласкъ, дружбы, надобно соединять въ себѣ все, что люди уважаютъ, любятъ,

чему удивляются, чѣмъ восхищаются, что влечетъ ихъ къ себѣ неодолимою силою; напримѣръ: юность, красота, отличное воспитаніе, знатность, богатство, высокій умъ, рѣдкія дарованія; но если вмѣсто всего этого, одна только необыкновенность!.... такъ довольно, заглаза довольно одного посѣщенія!

Можно держать пари: одинъ рубль противъ тысячи, что всякой, кто читалъ мои записки, при свиданіи со мною очень удивляется, что не находитъ во мнѣ того интереснаго, семнадцати-лѣтняго существа, плакавшаго на могилѣ Алкида!.. ни того юношу-гусара въ бѣломъ доломанѣ! ни даже того молодаго улана, котораго запосчивый конь уноситъ въ бурный протокъ!.... теперь нѣтъ уже ничего похожаго на это!... имъ дѣла нѣтъ, что этому прошло такъ много времени!

что тридцать лѣтъ имѣютъ свою власть и свой вѣсъ!... что имъ за надобность! они видятъ только, что человѣкъ передъ ними стоящій и о которомъ говорятъ, что это Александровъ, не похожъ на того, который столько заинтересовалъ ихъ въ своихъ запискахъ; и вотъ эти то люди, покрайности большая часть ихъ, вѣрятъ глупцамъ, которые называютъ книгу мою романомъ.

Никакой свѣтъ не освѣщаетъ такихъ страшныхъ предметовъ, какъ свѣтъ опыта; потому что онъ освѣщаетъ зло тогда, какъ оно уже сдѣлано! теперь я знаю людей, знаю цѣну ихъ ласкъ, увѣреній; знаю что какое слово значитъ у нихъ; знаю до какой степени чему можно вѣрить; но что жъ мнѣ изъ этого?... что я выиграла черезъ этотъ урокъ?.... напримѣръ: я и въ пять лѣтъ отъ роду слышала пословицу: «*не спросп броду не суйся въ воду*!» что жъ помогло мнѣ то, что я такъ за-ранѣе узнала ее?

Не помню, гдѣ то я читала, что: «*черезъ золото рѣкою слезы горькія текутъ.*» довольно странно, что такъ не во время, пришлось мнѣ узнавать справедливость, то пословицы какой нибудь, то стиха изъ пѣсни: вотъ лежитъ передо мною на столѣ шесть тысячъ золотомъ; это вѣдь все таки груда, хоть и небольшая, и какъ бы хорошо было, если бъ она *лежала* одна только! но увы, вотъ и еще *лежитъ*, подлѣ меня на диванѣ, моя собачка — мертвая! она умерла отъ того, что я никуда не могла брать ее съ собою! она сидѣла все въ горницѣ! во всякомъ другомъ мѣстѣ она ходила бы со мной; здѣсь нельзя было. О, какъ охотно бросила бъ я теперь всю эту груду золота въ лужу, если бъ только могла чрезъ это возвратить жизнь моему бѣдному звѣрку!.... проклятые шесть ты-

сячъ!... стоили ль они, чтобъ для ихъ пріобрѣтенія я прожила здѣсь такъ долго!... не думала я, что буду когда нибудь жалѣть о такомъ времени, о которомъ никто и никогда не жалѣетъ! однакожъ, я отъ всей души сожалѣю о томъ счастливомъ времени, когда у меня не было денегъ.

Самый тягостный народъ, эти утѣшители!... ничего не знаю несноснѣе ихъ!... двадцать разъ въ день приходитъ ко мнѣ моя сосѣдка, говоритъ мнѣ, что я худо дѣлаю, что сижу близъ моего мертваго друга, что ничего нѣтъ легче какъ замѣнить эту потѣрю и что это большая слабость сожалѣть о собакѣ; «мы теряемъ людей: друзей, родныхъ; и тутъ не грустимъ такъ сильно!» — О вѣрю, очень вѣрю!.... оставте однако жъ меня, твер-

дые люди! сдѣлайте милость, оставте! я за честь себѣ считаю не быть ни въ чемъ похожею на васъ! по крайности на тѣхъ, которыхъ случай далъ мнѣ узнать ближе!.... по моему лучше быть страшно чувствительною, нежели расчетливо безчувственною.

Коляска моя готова!... слишкомъ уже просторно въ ней!... неразлучный спутникъ мой остается здѣсь, подъ зеленымъ дерномъ, спать снòмъ глубокимъ и безпробуднымъ.

Теперь я ѣду на протяжныхъ и надѣюсь дорогою окончить «*павильонъ*.» Въ праздное время, котораго у меня было слишкомъ много въ Петербургѣ, я вздумала описать одно очень страшное происшествіе, въ которомъ и я имѣла нѣ-

которое участіе; и которое и теперь еще служитъ тайною въ томъ краю, гдѣ оно случилось; я было занялась этимъ описаніемъ очень прилѣжно и благодаря хорошей памяти, которою надѣлила меня природа, припомнила почти отъ слова до слова разсказъ унтеръ-офицера Рудзиковскаго также какъ и случай, давшій поводъ къ этому разсказу; занятіе мое шло какъ нельзя лучше, какъ вдругъ смертныя муки моего маленькаго четвероногаго товарища и друга, моего бѣднаго *Амура*, заставили меня проклинать все: и замыселъ писать и поѣздку въ Петербургъ и безцѣльное житье въ немъ и адскую расчетливость, которая заставляла меня чего-то выжидать здѣсь!.... собачка моя умерла, я цѣлую недѣлю ничего не знала и не хотѣла знать о моемъ павильонѣ; случаю угодно было, чтобъ

человѣкъ мой не счелъ этихъ бумагъ годными на обертки подсвѣчниковъ, ножей, вилокъ, ложекъ и сложилъ ихъ всѣ, какъ онѣ были, на дно чемодана. Передъ отъѣздомъ я спросила объ нихъ, но очень равнодушно и право не оскорбилась бы нисколько, если бъ сказали, что ими растопили печь, однако жъ мнѣ подали мою кипу бумагъ въ цѣлости и я велѣла опять спрятать ее; дорогой буду писать во время продолжительныхъ отдыховъ моего возницы и его животныхъ.

2007113166